

ЧАРЛЗ ТОДД

*Расследования инспектора
Скотленд-Ярда
Иена Ратлиджа*

КРАСНАЯ ДВЕРЬ

Одна из лучших на сегодняшний день
детективных серий.

The Washington Post Book World

ПЕРЕВЕДЕНО НА **17** ЯЗЫКОВ МИРА

Инспектор Иен Ратлидж

Чарлз Тодд
Красная дверь

«Центрполиграф»

2010

Тодд Ч.

Красная дверь / Ч. Тодд — «Центрполиграф»,
2010 — (Инспектор Иен Ратлидж)

Англия, Ланкашир, июнь 1920 года. В доме с красной дверью лежит тело женщины, которую избили до смерти. Ходит слух, что два года назад она покрасила эту дверь перед встречей мужа, возвращающегося с фронта. Тем временем в Лондоне человек, страдающий таинственной болезнью, сначала исчезает, потом так же внезапно появляется. Он не может объяснить своего выздоровления. Родственники, якобы разыскивающие его, дают противоречивые показания. Инспектор Иен Ратлидж, вовлеченный в оба дела и упирающийся в стену молчания, должен разгадать обе тайны, прежде чем отдать под суд безжалостного убийцу.

© Тодд Ч., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	13
Глава 6	17
Глава 7	18
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	32
Глава 11	39
Глава 12	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Чарльз Тодд

Красная дверь

Посвящается Тони

Мы никогда не бегали с быками в Памплоне, не видели иллюминации в нашу честь, не слышали хвалебных гимнов и не находили решения всех проблем мироздания, но, клянусь Богом, мы наслаждались разговорами обо всем, что может предложить жизнь...

Боже, благослови бабочек.

Уильям Грэнджер Тичи

15 мая 1930 г. – 25 июля 2008 г.

The Red Door Copyright © 2010 by Charles Todd

«Красная дверь»

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

* * *

Глава 1

Ноябрь 1918 года, Ланкашир

Она стояла перед высоким зеркалом, которое Питер подарил ей на вторую годовщину их брака, и разглядывала себя. Ее волосы, ранее поблескивающие золотом, почти приобрели цвет соломы, а лицо покрылось морщинами от работы на огороде во время войны, хотя она прикрывала голову шляпой. Кожа рук, некогда шелковая – Питер всегда говорил ей это, – тоже сморщилась, а глаза, хотя все еще ярко-голубые, смотрели на нее с постаревшего лица другой женщины.

«Неужели я так изменилась за четыре года?» – спрашивала она у своего отражения.

Со вздохом она приняла тот факт, что больше не увидит себя сорокачетырехлетней. Но он наверняка тоже постарел. Возможно, сильнее, чем она, – война была не летним пикником у моря.

Эта мысль слегка взбодрила ее. Она хотела видеть радость и удивление на его лице, когда он наконец вернется домой. Война закончилась – в одиннадцать часов одиннадцатого числа одиннадцатого месяца. Вчера. Теперь осталось недолго ждать, когда он перейдет через холм и поднимется по аллее.

Конечно, из Франции быстро отправят солдат по домам. Это были четыре долгих, одиноких, невыносимых года. Наверное, даже в армии не рассчитывали, что семьи будут ждать больше четырех – шести недель. Ведь союзникам не пришлось оккупировать Германию. В конце концов, это было перемирие, а не капитуляция. Немцы так же хотели вернуться домой, как и англичане.

Питер был на несколько лет моложе ее, хотя она никогда в этом не признавалась и с самого начала лгала о своем возрасте. Мужчине в середине четвертого десятка незачем сражаться во Франции. Но он был кадровым военным и постоянно сражался во всех дальних уголках империи. Франция была почти рядом – ему требовалось только переплыть Ла-Манш, чтобы очутиться в Дувре.

Она никогда не ездила с ним в Африку, Китай, Индию – в богом забытые города, чьи названия ей едва удавалось запомнить, поэтому он купил ей карту и повесил ее в гостиной, чтобы она могла каждый день видеть булавки в тех местах, где он находился. Это делало его ближе. Однажды он едва не умер от малярии и не смог приехать домой в отпуск. Это было ужасной зимой, когда умер Тимми, и ей пришлось делать все необходимое одной. Она думала, что потеряет и Питера, что Бог разгневался на нее. Но Питер выжил, и одиночество стало еще хуже, так как в коттедже было не с кем разговаривать, кроме Джейка.

Время от времени Питер присылал ей маленькие подарки: сандаловый веер из Гонконга, шелковые шали из Бенареса и кашемировые из Кашмира. Красивую шерстяную из Новой Зеландии, мягкую и теплую, как валлийское одеяло. Кружевные наволочки из Гоа, раскрашенную чашку с Мадейры. Хорошие подарки, включая золотое кольцо с маленьким, но безупречным рубином, которое он привез из Бирмы.

В его следующий отпуск после смерти Тимми она попросилась поехать с ним в очередную командировку, но Питер обнял ее и сказал, что белые женщины не выживают в африканской жаре, а он скорее уйдет в отставку, чем потеряет ее. Она любила его за это, хотя пошла бы на риск, если бы он разрешил.

Она держала новое платье к его возвращению и каждый день мыла волосы хорошим мылом, ополаскивая их лимонной водой. Конечно, она видела, что нуждается в небольшом количестве пудры, дабы скрыть новые морщины.

Она перечитывала его письма, пока они не стали рваться у нее в руках, и знала наизусть каждое из них. Они лежали в сундучке красного дерева у ее любимого стула, где она могла трогать их и ощущать его присутствие.

Ей пришло в голову, что она должна сделать что-нибудь особенное в тот день, когда Питер войдет в дверь. Что-то, что отвлечет его от изменений, происшедших в ней.

Его письма становились все реже в прошлые два года. А в этом году было только одно. Неужели он что-то скрывал? Она боялась известий о его смерти, хотя большую часть войны он провел в безопасности в штаб-квартире. Но людей ранили каждый день. Хотя, если бы с ним случилось что-то ужасное, он бы сообщил ей или попросил бы медсестру написать жене, так как не мог сделать это сам. У него никогда не было от нее секретов. Они всегда были откровенны друг с другом даже в мелочах. Ну, за исключением разницы в их возрасте. Питер рассказывал ей об охоте на тигра, которая прошла неудачно, об африканском кабане-бородавчнике, который едва не прикончил его, о буре, когда их корабль потерпел крушение посреди Атлантики, об извержении вулкана на Яве, когда он пытался обеспечить безопасность туземцев.

Его последнее письмо было написано в начале лета, сообщая, с каким энтузиазмом британцы встретили американцев, вступивших в военные действия после долгих недель тренировок.

«Немцы не могут продержаться долго, когда янки здесь. Так что, дорогая, не беспокойся. Я выжил, и я вернусь. Вот увидишь!»

Но что, если...

Она выбросила из головы эту мысль, прежде чем та приобрела определенную форму. Если бы что-то случилось, кто-нибудь наверняка сообщил бы ей.

Вместо этого она стала думать, что ей сделать, чтобы выразить радость, любовь и благодарность за его возвращение.

Она окидывала взглядом маленькую спальню, крахмальные занавески, цветастый ковер и такие же розы на покрывале кровати. Нет, не здесь. Оставим эту комнату такой, какой он ее помнит. Она спустилась вниз, заглядывая в каждую комнату и пытаясь смотреть на нее глазами Питера. Не было ни времени, ни денег на покупку новых вещей, а кроме того, Питер много раз говорил ей, что хотел бы оказаться в знакомой обстановке, так как она усиливает ощущение безопасности и уверенность, что он дома.

Отчаявшись, она вышла к воротам посмотреть, нельзя ли прикрепить на них флаг или ленты. Нет, не флаг – это напомнит о войне. И не цветы – их нет в это время года.

Она повернулась к своему дому, аккуратному, белому и хранившему все ее счастье, кроме Тимми. Дом она не обменяла бы ни на что в мире.

Внезапно она поняла, что должна сделать. Это было настолько очевидно, что она удивлялась, как не додумалась до этого раньше.

Следующим утром она пошла в деревню, купила банку краски и принесла ее домой.

После полудня, когда солнце вышло из-за облаков и повеял легкий ветерок, словно ранней осенью, она покрасила полинявшую серую парадную дверь в ярко-красный цвет.

Глава 2

Эссекс, конец мая 1920 года

Над лужайкой повисли японские фонарики; связывающие их бумажные ленты трепал вечерний ветерок. Фонарики не были необходимы в долгих сумерках весеннего вечера, но, так как время приближалось к одиннадцати, они зажглись, отражаясь в потоке, бегущем вдоль лужаек, придавая сказочный вид фасаду старого дома и отбрасывая на оконные стекла блики красного, золотого и голубого.

Большинство гостей уехали домой, оставив после себя обычный для вечеринки беспорядок. Тарелки были стопкой сложены в конце трех столов, чтобы Дора забрала их завтра, а кучка скатертей выделялась в зеленом море травы, как миниатюрный айсберг.

«Мне следовало передвинуть все это, прежде чем станет сыро», – подумал Уолтер Теллер. Но он продолжал стоять на месте, глядя на дом, спиной к темноте за потоком.

– Пенни за твои мысли, – сказал его брат.

Уолтер забыл о его присутствии. Питер взял два стула и сдвинул их, чтобы положить большую ногу, как часто делал в минуты мучительной боли.

– Прости? – спросил Уолтер, повернувшись.

– Ты был за милю отсюда, – заметил Питер, постукивая тростью по ножке стула.

– Дни рождения напоминают мне, что я состарился на год, – солгал Уолтер.

– Что-нибудь из виски осталось? Мою ногу атакуют сердитые демоны.

– Думаю, да.

Уолтер подошел к столу с напитками, нашел чистый стакан и налил в него порцию виски.

– Спасибо. – Питер выпил половину одним глотком.

– Тебе следует быть поосторожнее с этим, – сказал Уолтер.

– Так все говорят. Поэтому я жду, пока не пойду ложиться. Это помогает мне заснуть. – Он передвинул ногу, ища удобное положение. – Мне следовало вернуться в Лондон сегодня вечером с Эдвином. Но я не мог бы вынести несколько часов тряски в автомобиле. С моей стороны это трусость, не так ли?

– Почему? Здесь росли мы четверо – ты, Эдвин, Летиция, я. Это всегда будет нашим домом.

Но фактически это был дом Эдвина – наследство старшего сына. Уолтер жил здесь, потому что Эдвин предпочитал Лондон. Доброта Эдвина была для него колючкой в бок в течение десяти лет, но Дженни любила ферму Уитч-Хейзел, поэтому он молчал. Это стало маленькой жертвой ради нее.

– Дженни и я собираемся завтра в Лондон, – продолжал Уолтер. – Ты и Сюзанна можете поехать с нами или остаться здесь на несколько дней. – Он задумался о своем брате. Искалеченную ногу не вылечить. Несомненно, боль была реальной. Тем не менее временами Уолтер чувствовал, что порции виски на ночь притупляли не только боль от разорванной мышцы и расшатанных нервов. – У вас с Сюзанной все хорошо? – осведомился он беспечным тоном.

– Да, конечно, – раздраженно ответил Питер. – А почему нет?

– Никаких предположений, старина. Кроме того, что она была слишком тихой в этот уик-энд.

Питер поежился под взглядом Уолтера.

– Мы говорили об усыновлении ребенка. Она за. Это сложно.

Уолтер отвел взгляд:

– Я не хотел вмешиваться.

Питер переменил тему:

– Гарри не терпится в школу? Он мало говорит об этом.

– Думаю, что да. Он знает, что его мать против. Ради нее он не настаивает на этом.

– Дженни чудесная мать. Эдвин говорил это на днях. – Питер заколебался. – Гарри только семь. Не понимаю, почему вы не можете подождать год.

Уолтер повернулся к нему, внезапно рассердившись. При свете голубого фонарика над головой выражение его лица было почти злобным.

– Этого хотел отец. Гарри единственный наследник – это решено со дня его рождения. Ты знаешь это не хуже меня.

Питер мягко произнес:

– Отец умер шесть лет назад. Почему мы все еще у него под каблуком? – Уолтер не ответил, и он продолжал: – Он сделал все неправильно. Старший сын наследует землю – это Эдвин, а он не фермер. Следующий сын идет в армию – это я, и я ненавижу ее. Младший сын идет в церковь – это ты. И ты едва выдержал год. Думаю, ты обнаружил, что не создан для обращения дикарей-язычников.

Это было слишком близко к истине. Только сегодня утром Уолтер получил письмо из миссионерского общества Элкока, желающего знать, когда он будет готов вернуться к делам. Это – и беспокойство Гарри – преследовало его весь день.

Дженни окликнула их из дома, избавив Уолтера от необходимости отвечать брату.

– Да, идем, – отозвался он и повернулся к Питеру: – Я только погашу свечи. Почему ты не идешь спать? Тебе не станет легче, пока ты не ляжешь.

Питер потянулся к трости и встал. Уолтер поймал один из стульев, который он едва не опрокинул. Питер выругался на собственную неуклюжесть. Тяжело опираясь на трость, он направился по лужайке к дому. На полпути он повернулся и сказал брату:

– Завтра все будет выглядеть лучше.

Уолтер кивнул, затем принялся гасить свечи на столах. Дойдя до последней, замер.

До чего же плохо, что жизнь нельзя погасить так же легко, как свечное пламя.

Мог ли человек желать себе смерти? Он неоднократно видел это в Западной Африке, но по-настоящему никогда этому не верил.

Теперь ему хотелось, чтобы это было возможно.

Его сестра Летиция назвала бы это чепухой. В конце концов, Уолтер не страдал так, как его братья. Не испытывал физической боли.

Но он не мог вынести незнания, что делать с тем, что преследовало его.

Глава 3

Лондон, конец мая 1920 года

Прежде чем уйти следующим утром давать показания по судебному делу в Шеффилде, Иен Ратлидж повел свою сестру Франс пообедать в новом популярном ресторане. Там случайно они встретили друзей, которые пригласили их присоединиться к компании. Ратлидж постарался, чтобы его стул находился во главе большого стола. Его клаустрофобия после того, как он был похоронен заживо от взрыва бомбы в 1916 году, так и не исчезла. Даже спустя четыре года Ратлидж не выносил пребывания в переполненной комнате или поезде, а такое обычное явление, как стул в углу, даже в обществе хороших друзей, повергало его в дрожь. Франс, не осведомленная об иррациональных страхах своего брата, уже флиртовала с кузеном Мэриэнн Браунинг – привлекательным молодым человеком по имени Джеффри Блейк. Она встречала его раньше, и, когда они обсуждали события и старых друзей, Ратлидж слышал, как кто-то упомянул Мередит Ченнинг. Он сам заходил к миссис Ченнинг десять дней назад поблагодарить ее за любезность и узнал, что она отсутствует.

– Думаю, она в Уэльсе, – сказал Блейк.

– В Уэльсе? – удивленно осведомилась Барбара Уэстин. – Я думала, она уехала в Норфолк.

– В Норфолк? – переспросил кто-то на другом конце стола.

– По-моему, я не видела ее две недели или больше, – сказала Франс.

– Разве она не посещает своего зятя в это время года? – спросила Эллен Тайлер.

– Зятя? – повторил Ратлидж.

– Да, он, кажется, живет на севере, – ответила Эллен. – Вернулся в Инвернесс в конце войны. Очевидно, он достаточно оправился для путешествия.

– Травма спины, – вмешался Элфред Уэстин. – Его корабль подрывался, и он пробыл два дня в спасательной шлюпке, прежде чем их подобрала. Храбрый и упорный человек. Пролежал семь месяцев в госпитале. Но я слышал, он уже ходит, хотя и с тростями. Он был здесь весной на мемориальном концерте.

Ратлидж вспомнил, как ранней весной он увидел Мередит Ченнинг, пытающуюся поймать такси, когда разразилась гроза, и предложил подвезти ее. Она говорила что-то о концерте в церкви Святого Мартина в полях.

– Удивляюсь, что она не вышла за него замуж, – продолжала Эллен Тайлер. – Я имею в виду, за своего зятя. Он был годами влюблен в нее.

– Кстати, о любви. Вы видели объявление о помолвке Констанс Тернер в «Таймс»? Я так рада за нее. Она заслуживает немного счастья. – Барбара улыбнулась. – Он тоже летчик.

Ратлидж знал мужа Констанс Тернер. Медфорд Тернер умер от сильных ожогов в начале 1916 года, когда его самолет разбился на фронте. Его извлекли из горящего самолета солдаты французской артиллерийской роты. Ратлидж и его люди наблюдали за воздушным боем, пока оба аэроплана не исчезли за горизонтом. Тогда он не знал, что в английском самолете Тернер, но видел, что это опытный пилот.

Они сделали заказ официанту, и разговор возобновился.

«Инвернесс очень далеко», – слышались в голове у Ратлиджа слова Хэмиша. У него был глубокий голос, не слышимый другим обедающим, – последствия контузии, чувства вины, а затем и ночных кошмаров, начавшихся во время жестокой битвы на Сомме¹ в июле 1916 года. В клинике доктор Флеминг называл этот голос ценой выживания, но Ратлиджу это казалось мучительным.

¹ Сомма – река на севере Франции, место жестоких битв в Первую мировую войну. (Здесь и далее примеч. пер.)

Инвернесс с таким же успехом мог находиться в другом полушарии. После войны Ратлидж избегал Шотландии. И Хэмиш знал почему. Даже его единственная поездка туда по официальному делу закончилась скверно. Фактически он едва не погиб, утащив за собой Хэмиша.

В этот момент Франс обратилась к брату с вопросом, и ему пришлось вернуться к действительности.

Но после того, как он высадил ее у дома, принадлежавшего их родителям, и поехал в свою квартиру, Ратлидж не мог выбросить из головы слова: «Разве она не посещает своего зятя в это время года? Удивляюсь, что она не вышла за него замуж. Он был годами влюблен в нее».

Мередит Ченнинг никогда не говорила ему о своей семье или своем прошлом. А Ратлидж старался не задавать вопросы другим, дабы не привлекать внимания к своему неведению или интересу. Она была очень сдержанной – почти неестественная черта для такой молодой женщины. Ратлидж подозревал в этом результат того, что она видела и делала во время войны. Ей бы не понравилось то, как ее обсуждали сегодня вечером.

«Она отказывается позволить себе чувствовать что-либо», – говорил Хэмиш.

Так ли это? Должно быть, что-то причинило ей сильную душевную боль. Или кто-то. Потеря мужа?

«Удивляюсь, что она не вышла за него замуж... Он был годами влюблен в нее».

Глава 4

Когда уик-энд закончился, Уолтер Теллер довез Питера и его жену Сюзанну до их дома на Болингброк-стрит и поехал к своему банкиру. Там он договорился об уплате за обучение сына в школе и вернулся к своему автомобилю, думая о дневных делах.

Выполнив их, Уолтер только доехал до пригородов Лондона по пути домой, как ему стало не по себе. По лицу катился пот, зрение затуманилось, конечности стали свинцовыми, движения – скованными.

«Что не так, черт возьми?»

Он никогда не чувствовал ничего подобного.

«Я умираю?»

Уолтер стал подъезжать к обочине, но передумал.

«Если я должен умереть, то предпочел бы умереть дома. Не здесь, не посреди улицы. Я пережил многое – малярию, дизентерию, паразитов – и смогу добраться до Эссекса».

Он сосредоточенно вел машину, вцепившись руками в руль, заставляя мускулы работать силой воли и считая мили. «Почему здесь нет Дженни? Она бы повела автомобиль». Но вчера вечером у них вышел крупный разговор из-за отъезда Гарри в школу, и утром к Дженни было лучше не подходить, а тем более не заставлять ее ехать с ним в Лондон.

Появился указатель на Рептон. Ферма была у следующего поворота.

– Я не умер, – сказал себе Уолтер; его голос показался ему необычайно громким. Но он не мог объяснить, как добрался сюда из Лондона.

«Это не ты, а Гарри. Что-то случилось с ним...»

Машина словно сама по себе свернула на подъездную аллею, и при виде дома Уолтер нажал на клаксон.

– Дженни! – крикнул он. – Ради бога, выйди и помоги мне!

Все, что Уолтер мог сделать, – это надавить на тормоз и остановиться перед домом. Его руки отказывались открывать дверцу, а ноги – подниматься с педалей. Страх сковал его тисками – он не мог ничего сделать для своего сына.

Его жена выбежала из дому.

– Уолтер? В чем дело? Что случилось? – крикнула Дженни, глядя на его бледное, потное лицо и трясущиеся руки.

– Что-то случилось с Гарри.

– Он в Монмутшире, навещает Монтли...

– Знаю. Позвони им. Моли Бога, чтобы было не слишком поздно. Скажи им, что мы будем там так быстро, как только возможно.

Но как он сможет ехать в Монмутшир? Надо найти способ...

Дженни убежала в дом, а Уолтер сидел в машине, стиснув кулаки, закрыв глаза и стараясь услышать разговор внутри дома. Он чувствовал, что перестанет дышать, прежде чем жена сообщит ему ответ.

Вот и она – бежит к нему. Уолтер вглядывался в выражение ее лица.

– С Гарри все в порядке, Уолтер.

Молли, экономка, следовала за Дженни по пятам, вытирая руки о фартук.

– Я позвонила доктору Филдингу – он едет сюда.

Обессиленный, Уолтер неподвижно сидел в автомобиле. Теперь он мог умереть. Все было в порядке. Если бы это потребовалось от него, он бы понял.

Глава 5

Лондон, начало июня 1920 года

После нескольких дней дачи показаний по делу в Шеффилде Иен Ратлидж вернулся в Ярл, найдя суперинтендента Боулса страдающим от диспепсии и головной боли.

– Вы опаздываете, – огрызнулся Боулс, сердито глядя на Ратлиджа.

– На севере была сильная буря. Падали деревья, и часть дороги смыло.

– Если бы вы воспользовались поездом, как все мы, то прибыли бы вовремя.

– К сожалению, поезд тоже опоздал.

– Откуда вы знаете?

– Когда я вошел, то слышал, как сержант Гибсон говорил, что на железной дороге на севере были такие же проблемы, как на шоссе.

– Каков исход в Шеффилде? Ну? Не заставляйте меня ждать, – нетерпеливо сказал Боулс.

– Жюри не долго совещалось. Таттл проведет остаток жизни в тюрьме.

– Я думал, Корона надеялась на повешение.

– Жюри с этим не согласилось.

– Чертовы провинциальные присяжные! Дело явно тянуло на повешение. В Лондоне так бы и было.

Ратлидж не ответил. Он соглашался с присяжными. Это было, как сказали бы французы, преступление на почве страсти и тяжкого горя, которое закончилось смертью больной жены Таттла. Случайно или намеренно, знал только Бог. Для Таттла повешение было бы во многих отношениях карикатурой.

Боулс достал свои часы и, открыв крышку, взглянул на циферблат:

– Хорошо, что вы вернулись. Мне сообщили, что в Брик-стоне неприятности, а нам сейчас не хватает людей. Кларк в Уэльсе, и я только что послал Майклсона в Хэмпшир. – Он ждал от Ратлиджа возражений и, довольный их отсутствием, продолжил: – Четверо носильщиков подрались с ирландцами. Но тут нужно проявлять осторожность. Двое в больнице, и один мог умереть к утру, а он шурин констебля, который прекратил драку. Если он умер, не будет конца неприятностям.

В итоге Ратлидж отправился в Брикстон, где узнал, что драка произошла потому, что ее участники не работали, а играли в переулке позади «Головы королевы», и одна сторона обвинила другую в жульничестве. О том, что один из пострадавших на грани смерти, сообщила его истеричная жена – в действительности он всего лишь пребывал без сознания и должен был вот-вот прийти в себя. Ирландцы оказались такими же смирными, как их английские противники. Ночи в тюрьме оказалось достаточно, чтобы они протрезвели и были отправлены дежурным сержантом домой. Ратлиджу они сообщили, что остаются лучшими друзьями, несмотря на маленькое недоразумение во время игры в кости.

Они клялись могилами матерей, что этого снова не произойдет. Ратлидж напомнил, что один из участников драки все еще в больнице, и если он сильно пострадал, то могут быть выдвинуты более серьезные обвинения.

Ирландцы обещали помолиться за его скорейшее выздоровление. Англичане требовали только плату за его лечение.

Поговорив с дежурным сержантом и посоветовав, чтобы нарушителей порядка задержали еще на двадцать четыре часа, пока врачи не будут уверены, что раненый поправится, Ратлидж покинул участок.

Он сильно подозревал, что Боулс отправил его в Брик-стон из чистой злобы, и это подтвердила сочувственная усмешка сержанта Дэвиса, когда Ратлидж наконец вернулся в Ярл.

– Охота за теньями на повестке дня, сэр. Инспектор Мэнн в Кентербери по такому же поручению. Инспектор Эллис на пути в Чичестер. Все это от нечего делать. Неделя была спокойной.

Освободившись, Ратлидж чувствовал себя слишком усталым, чтобы идти домой, и слишком сердитым, чтобы отдыхать там. Вместо этого, несмотря на поздний час, он решил пройтись пешком, пытаясь взбодриться и осаждаемый мыслями о Хэмише, возникающими на каждом повороте.

Ратлидж наблюдал, как летний свет превращается из опалового в розовый и фиолетовый, а затем в темноту, и вот уже звезды зажигались над рекой. На улицах почти не было пешеходов и транспорта, и его шаги отдавались в голове эхом, составляя ему компанию.

Ратлиджу пришло в голову, что сегодня годовщина его возвращения в Ярл. Год назад... Это были долгие и трудные двенадцать месяцев.

Оказавшись у подножия Вестминстерского моста, Ратлидж двинулся вдоль парапета и, опершись на локоть, стал наблюдать за темной водой, плещущейся внизу, за гипнотизированный ее течением через арки.

Погрузившись в мысли, он пришел к выводу, что прошедший год в некотором отношении был подобен битве между водой и камнем. Неумолимый камень символизировал прошлое, стоящее на вечном якоре среди течения его дней, отбрасывая и разочаровывая его при каждом всплеске.

«Ты не можешь уйти в отставку, – сказал Хэмиш. – Через две недели ты окажешься в клинике, погруженным в бесполезное отчаяние».

И это была правда. Ратлидж не смог бы жить со своей неудачей.

Или с голосом в его голове. Хэмиш лежит мертвым во французской могиле. Тут не с чем спорить. Призраки не ходят. Но заставить этот голос умолкнуть было выше его сил. Работа была единственным спасением Ратлиджа, и он знал, что без нее ему оставалось бы только напиваться до бесчувствия. Тогда Хэмиш бы победил. А его собственная победа таилась в заряженном служебном револьвере. Во Франции он научился тому, что хороший солдат всегда запасается маневром для отступления.

Невольно Ратлидж слышал шаги позади – вот мужчина на костылях, женщина, спешащая в туфлях, слишком тугих для ее усталых ног, собака, уверенно бегущая к его стороне моста... Но он упустил тихие шаги того, кто незаметно крался за ним, прячась в тени.

«Внимание!» – резко произнес Хэмиш. Ратлидж, услышав предупреждение, собирался повернуться, когда что-то острое уперлось ему в спину.

– Деньги и другие ценности, – послышался приглушенный голос. – Быстрее, если хочешь жить.

Ратлидж мог бы рассмеяться. Но вместо этого он спокойно сказал:

– Я не отдам тебе часы. Они принадлежали моему отцу. Но ты можешь взять все деньги, какие найдешь у меня в карманах.

Острие ножа коснулось рубашки.

– Говорю тебе... – В голосе грабителя послышалось беспокойство.

А расшатанные нервы могут привести к убийству.

Несколько секунд Ратлидж не отвечал. Затем он промолвил, не меняя тона:

– Я вижу констебля на дальней стороне моста. Он скоро будет здесь.

– Ты врешь. Он повернул в другую сторону.

«Берегись, – снова заговорил Хэмиш. – Он очень молод».

Это тоже могло быть непредсказуемым и смертоносным.

– Ты же не хочешь совершить убийство, – сказал Ратлидж. – Возьми деньги, которые я предлагаю. В левом кармане. Я не буду тебя останавливать. Как тебя зовут?

– Я убью тебя! Вот увидишь! – Нож пронзил кожу, и Ратлидж почувствовал, как струйка крови медленно потекла по его спине.

– Мне все равно, если ты это сделаешь. Я был на войне, парень, и не боюсь смерти. Но я не отдам тебе мои часы. Скорее я брошу их в реку – можешь не сомневаться.

Он почувствовал страх человека, стоящего позади, и смог услышать звук автомобиля, поворачивающего на мост.

– Так как тебя зовут?

– Билли, – услышался ответ после краткого колебания.

Ратлидж сомневался, что это так, но имя было не хуже других.

«Осторожно, – предупредил Хэмиш. – Вокруг никого нет».

Когда он произносил эти слова, начал бить Биг-Бен.

Пытаясь вразумить напавшего, Ратлидж сказал:

– Ты не хочешь делать это, Билли. Я помогу тебе найти работу, если в этом проблема. Даю слово. – Услышался отдаленный всплеск. – Следующими будут мои часы, – заметил он, воспользовавшись звуком. – Я не сдам тебя полиции, если ты отдашь мне нож.

В давлении лезвия на спину Ратлидж чувствовал неуверенность паренька. Он также ощутил движение его тела, тот, видимо, хотел окинуть мост взглядом – нет ли свидетелей. Затем давление усилилось.

Время пришло.

Прежде чем нападавший смог переместить свой вес и вонзить нож, Ратлидж повернулся и железной хваткой стиснул свободную руку Билли, вывернув ее за спину. Его другая рука потянулась за ножом. Парень испуганно вскрикнул, но Ратлидж недооценил быстрые рефлексы молодости.

Нож блеснул в направлении лица Ратлиджа. Прежде чем он успел отбросить его, нож разрезал его пиджак и вонзился в правую руку.

Ратлидж выругался и безжалостно пригвоздил противника к парапету, на мгновение вышибив из него дыхание и вцепившись пальцами в запястье руки с ножом. Она обмякла, и нож упал на тротуар, блеснув при свете фонаря. Ратлидж умудрился отбросить его ногой, затем сосредоточился на парне, все сильнее прижимая его к парапету.

Он уже подбирался к шапке, наполовину прикрывавшую лицо Билли, когда услышал свисток констебля и тяжелый топот его сапог по мосту.

Ратлидж бросил шапку в темноту.

– Эй! – воскликнул констебль, подойдя ближе и увидев двух человек, а также нож, валяющийся в двух ярдах. С его места агрессором выглядел Ратлидж, и напавший быстро этим воспользовался.

– На помощь! – закричал он. – Не позволяйте ему убить меня!

Констебль схватил Ратлиджа за плечо и оттащил его от жертвы. Ратлидж впервые увидел покрасневшее и испуганное лицо мальчишки лет восемнадцати – девятнадцати.

Когда кулак констебля сомкнулся на кровоточащей руке Ратлиджа, его пальцы быстро разомкнулись.

– Что это? – осведомился констебль, шагнув назад. Это был худощавый мужчина средних лет – импозантная фигура в мундире со шлемом, делающим его выше ростом. – Это ваш нож или его? – спросил он паренька.

В момент колебания Билли освободился от хватки Ратлиджа и побежал по мосту так, что пятки засверкали. Констебль переводил взгляд с него на Ратлиджа, который быстро сказал:

– Я инспектор Ратлидж из Скотленд-Ярда. Бегите за ним!

Но было слишком поздно. К тому времени, как констебль пришел в себя и пустился вдогонку за подозреваемым, тот исчез в темноте на противоположной стороне реки.

Констебль вернулся, тяжело дыша.

– Я очень сожалею, сэр...

– Я тоже. Его следующей жертве может так не повезти. – Ратлидж дал констеблю краткое описание паренька, включая фальшивое имя, и добавил: – Он достаточно напуган, чтобы быть опасным.

– Я толком его не рассмотрел, – признался констебль. – Но я передам о нем сведения. – Он указал на руку Ратлиджа. – Вам лучше позаботиться об этом, сэр.

Рана начинала болеть.

– Он может не всегда пользоваться этим мостом, – предупредил Ратлидж.

– Да, сэр, понимаю. – Наклонившись, чтобы поднять нож, констебль покачал головой. – Жаль. Никаких признаков его происхождения. Выглядит вполне обычно. – Он провел пальцем по краю лезвия. – И достаточно острый, чтобы резать цыпленка.

– Завтра я приду в участок, чтобы сделать заявление, – сказал Ратлидж. – Где вы работаете? И как ваше имя?

– Участок Лэмбет. Констебль Бишоп, сэр. – Он усмехнулся, словно долгожданной шутке, и добавил: – Хотя, насколько я знаю, в семье не было ни одного епископа².

Ратлидж не улыбнулся в ответ. Он кивнул и зашагал туда, где оставил свой автомобиль. Кровь текла по его руке, оставляя за ним след, и он цинично подумал, что лучше бы паренек порезал собственную руку.

Доктор Лонсдейл, отвечая на стук в дверь, открыл ее в халате, завязывая пояс.

– Это не может подождать до утра? – Потом он заметил темную полоску крови на рукаве Ратлиджа. – Тогда входите.

И он повел его в приемную.

– Рана неглубокая, – сообщил доктор, помыв руки после осмотра и перевязывая рану, – но будет болеть несколько дней. Будьте осторожны, берегите руку. – Привыкнув перевязывать людей из Ярда, он добавил: – Лишь бы нож не внес инфекцию.

На следующее утро рука все еще болела, но Ратлидж явился в Ярд, куда новость о случившемся прибыла раньше него.

– Констебль Уокер доложил, что неделю назад на Лэмбет-Роуд какой-то мальчишка пытался ограбить врача, возвращающегося от роженицы, – сказал Боулс, когда они встретились в коридоре. – Кто-то появился, и парень сбежал. Но описание сходится. Врач заявил, что у грабителя был нож, но ни он, ни его спаситель толком его не разглядели.

– Значит, я был не первой жертвой. – Ратлидж надеялся на противоположное.

– Фактически, было несколько ограблений с ножом на южном берегу реки, но большинство жертв отдавали деньги без сопротивления. А что вы делали на мосту в такое время?

– Хороший вопрос. – Видя, что Боулс намерен дожидаться ответа, он добавил: – Строил кое-какие планы.

– Не слишком подходящее для этого место, – заметил Боулс. – Как рука?

– Заживет.

– Доктор Лонсдейл в этом не уверен. Несколько дней вы будете выполнять легкую работу. – Он протянул Ратлиджу стопку папок. – Инспектор Майклсон совсем зашивается с бумагами. Разберитесь с этим.

Суперинтендент пошел дальше, не оборачиваясь.

Ратлидж простоял на месте секунд десять, затем с мрачным видом зашагал в направлении своего кабинета.

Лонсдейл ничего не говорил о легкой работе. Это было наказание за то, что он не отправил нападавшего в тюрьму. А поручение выполнять бумажную работу Майклсона только усугубило досаду.

² Бишоп (англ. bishop) – епископ.

Глава 6

Дженни Теллер пробудилась от глубокого сна, полностью дезориентированная. Сидя в кровати, она разглядывала комнату. Это была не клиника – так что она здесь делает? И что это за звук на расстоянии?

Телефон.

Это дом Эдвина, осознала Дженни, откидывая назад прядь волос. А это спальня, которую она и Уолтер всегда занимали, когда оставались в Лондоне.

Телефон продолжал звонить. Должна ли она ответить?

Потирая лицо руками, Дженни пыталась собраться с мыслями. Она не имела понятия, насколько устала. В клинике все были добры к ней, но она не могла закрыть глаза, ее терзало беспокойство, и только редкая дремота, когда Уолтер был с врачами или спал, помогала ей держаться на ногах. Почему нет никаких изменений в его состоянии? Почему он отказывался говорить, смотреть на нее, есть? Почему врачи не могли ничего сделать?

Теперь Дженни вспомнила: Эйми и Эдвин уговорили ее приехать и отдохнуть несколько часов. Уолтер спал, и это пошло бы ей на пользу. А они привезли бы ее назад ко времени обеда с ним.

О боже, неужели они позволили ей проспать? Но нет, солнце все еще просвечивало сквозь занавеси, рисуя яркие квадратики на фиолетовом ковре. Сейчас было не больше пяти – может быть, половина шестого.

Телефон перестал звонить.

Дженни откинулась на подушки – одна ее часть молила о сне, другая укоряла за то, что она оставила клинику даже на такое короткое время.

В дверь постучали, и Дженни откликнулась:

– Входи, Эйми. Я проснулась.

Но это была Роуз, экономка.

– Простите, что беспокою вас, миссис Теллер, но кто-то просит вас к телефону.

– Кто? – Дженни спустила ноги с кровати и сунула их в туфли. – Моя сестра?

– Это из клиники, миссис Теллер. Я сказала им, что вы отдыхаете, но они говорят, это срочно.

Дженни промчалась мимо Роуз, едва не наступая на развязанные шнурки, когда сбегала по лестнице. У двери в комнатку с телефоном она задержалась, пытаясь перевести дыхание, потом схватила трубку и склонилась к микрофону.

– Это миссис Теллер.

Дженни слушала – во рту у нее так пересохло, что она с трудом могла говорить.

– Сейчас выезжаю.

Положив трубку, Дженни позвала:

– Эдвин! Где ты?

Эдвин открыл дверь кабинета, и она побежала ему навстречу. К своему удивлению, Дженни увидела за его плечом, что там собралась вся семья – Эйми, Питер и его жена, Летиция, сестра Уолтера. Их лица, обращенные к ней, были напряжены, как будто они уже знали.

Но, конечно, они не могли знать. Ей самой только сообщили.

– Это Уолтер, – сказала Дженни и, не в силах объяснить, добавила: – Пожалуйста, поторопитесь – мы должны ехать.

Последовало гробовое молчание, затем все сразу зашевелились, а Эйми, опустившись на колени, стала зашнуровывать ее туфли.

Дженни стояла, ожидая автомобилей, считая минуты и отказываясь отвечать на вопросы. Ее ум заполняла одна мысль: что она должна сказать Гарри, как объяснить ему?

Глава 7

Ратлидж выходил в конце дня из своего кабинета, когда увидел Боулса, идущего к нему. Старший суперинтендент знаком велел Ратлиджу вернуться в кабинет и мрачно посмотрел на стопку папок у него на столе.

– Кое-что произошло, – сказал он, садясь и вынуждая сесть за стол Ратлиджа. – Уолтер Теллер исчез, – продолжал Боулс, как если бы имя означало что-нибудь для Ратлиджа.

– Теллер? Автор книги о миссионерской жизни, вышедшей в 1914 году?

Ратлидж собирался присоединиться к своему полку во Франции, когда книга попала в критические обозрения. Он не успел прочитать ее и с трудом вспомнил имя автора.

– Исчез? В Западной Африке? – спросил Ратлидж, роясь в памяти.

– Нет, слава богу. Здесь, в Лондоне. Он лечился в клинике «Бельведер». Какое-то нервное расстройство, насколько я могу судить со слов сержанта Биггина. Они обыскали место сверху донизу и не обнаружили никаких его признаков. Искали даже среди трупов. Грязная работа, но тщательная.

– Сержант Биггин хороший человек.

– Да-да. Но это дело для Ярда. Важная персона, нужны быстрые результаты и так далее. Если вы меня понимаете.

Ратлидж понимал.

– И еще одно. Проследите, чтобы с семьей обращались крайне вежливо. Они обеспокоены. Держите их в курсе событий.

– Кто первым сообщил о случившемся? Семья или клиника? И когда?

– Клиника. Час назад. Они прислали кого-то в ближайший участок. А сержант Биггин связался с Ярдом. И правильно сделал.

Боулс поднялся и стал расхаживать по комнате.

– Факты таковы. Клиника связалась с лондонской полицией, сержант Биггин ознакомился с ситуацией и связался с нами. Вроде бы Теллер приехал в город из своего дома в Эссексе поговорить со своими банкирами – сын вскоре поступает в Хэрроу³ – и заболел по пути домой. Его врач по фамилии Филдинг отправил Теллера напрямик в «Бельведер», надеясь, что тамошние медики во всем разберутся.

Ратлидж кивнул:

– У них хорошая репутация.

– Это было на прошлой неделе. И по словам Биггинса, Теллер не показал никаких признаков улучшения. Фактически, его паралич прогрессировал. А потом он, очевидно, исчез так же быстро, как появился, потому что сегодня во второй половине дня Теллер самостоятельно оделся и исчез из клиники. Правда, никто не видел его выходящим. Поэтому они обыскали место, потом вызвали полицию и миссис Теллер. Она находилась в доме своего деверя на Марлборо-стрит, семья сразу же прибыла в клинику.

То, что Боулс информировал Ратлиджа так тщательно, свидетельствовало о его интересе к делу.

– Это все, что я могу вам сообщить. – Боулс повернулся, чтобы уходить. – Передайте мои соболезнования миссис Теллер, а также заверения, что мы сделаем все возможное, дабы привести дело к счастливому завершению. – Кивнув, он вышел из комнаты.

Некоторое время Ратлидж сидел неподвижно. Исчезнувшие редко привлекали внимание Ярда, если только поиски не заканчивались подозрительной смертью. Или если исчезнувший был важной или хорошо известной персоной. Многие дела завершались находкой тела в

³ Хэрроу – район на юго-западе Лондона, где находится престижная частная школа.

реке, другие – процессом о похищении или убийстве. Ратлидж чувствовал, что ничего из этого неприменимо к исчезновению Теллера.

«Признай, – сказал ему Хэмиш, – что твой надутый старший суперинтендент ищет козла отпущения».

Внезапно Боулс появился снова, просунув голову в дверь кабинета.

– Отлично. Вы все еще здесь, – заговорил он. – Я хочу поделиться с вами еще одной мыслью. Теллер несколько лет провел в Африке. Насколько мы знаем, он может шататься по Лондону, страдая от новой болезни. Это поместило бы кошку среди голубей. Возможно, по этой причине врачи Теллера так сдержанны относительно его состояния.

Ужасная эпидемия гриппа «испанка», как его тогда называли, убившая в 1918 году больше людей в мире, чем война, все еще была свежа в памяти.

– Я думал, вы сказали, что он поправляется...

– Не путайте разные вещи, Ратлидж. Неизвестно, как долго могут тянуться эти болезни. Поговорите с его врачами и выясните, что сможете, насчет риска.

– Когда он последний раз ездил с миссией? – спросил Ратлидж.

– Какая разница? – раздраженно осведомился Боулс. Он достал часы. – Вы должны были выехать четверть часа назад.

– А рапорты инспектора Майклсона? – не смог сдержаться Ратлидж. Он жестом указал на полдюжины папок на столе.

– Черт возьми, передайте их Гибсону. Пусть кто-нибудь еще займется ими. Это срочное дело.

Выйдя из Ярда, Ратлидж поехал в клинику «Бельведер». Она была расположена в бывших офисах большой канадской фирмы, которая, сильно пострадав от «испанки» и депрессивного состояния дел после перемирия, вернулась в Оттаву. Клиника, ищущая новые помещения, приобрела их. Они находились неподалеку от Британского музея, и на оживленных улицах в этот час было много транспорта.

Когда Ратлидж поднимался по ступенькам к изысканно декорированному входу, который клиника сохранила после переделки, швейцар в синей униформе кивнул ему и открыл дверь. Внутри был вестибюль с высоким потолком, и его шаги по мраморному полу отзывались эхом. Санитар, сидевший за столом, приветствовал Ратлиджа и спросил, чем он может помочь.

Ратлидж собирался спросить о миссис Теллер, но в последний момент передумал.

– Мне нужна старшая медсестра. Я инспектор Ратлидж из Скотленд-Ярда.

– Хорошо, сэр. – Санитар нажал одну из шести кнопок на боку стола. – Сейчас кто-нибудь придет за вами и проводит в кабинет старшей медсестры.

– Вы были на дежурстве после полудня, когда мистер Теллер покинул клинику?

– Да, сэр, был. – Он откашлялся, поглаживая панель с кнопками. – Наши посетители уходят в четыре. Поэтому несколько минут здесь суeta. Должно быть, мистер Теллер был среди них, хотя откуда мне знать? У меня не было причин замечать именно его.

– Вы не помните никого, кто соответствовал бы его описанию?

– Нет, сэр. В большинстве это родственники, обсуждающие свой визит. Я вижу это каждый день.

– А сегодня?

Санитар поднял взгляд к потолку.

– Были мужчина и женщина. Потом три сестры – они почти каждый день навещают своего отца. Еще один мужчина с взрослыми дочерьми. Священник. Одинокая женщина. Пожилая женщина в инвалидной коляске с сыном. Большая семья – пять или шесть человек. – Он перевел взгляд на Ратлиджа. – Сожалею, сэр, но это все, что я могу сделать. Мы больше интересуемся теми, кто приходит, а не теми, кто уходит. Если они в очень плохом состоянии, я должен вызвать врача.

Если Теллер вышел через эту дверь, он был достаточно умен, чтобы сделать это вместе с другими. Реплика перед открытием двери и ответ, казавшиеся частью обычного разговора.

«Как прошел ваш сегодняшний визит?»

«Спасибо, маме немного лучше. А ваш?»

«Боюсь, изменений мало, но врачи теперь более оптимистичны – они считают, что мой брат поправится...»

Это могло произойти таким образом.

Конечно, если Теллер ушел по своей воле и знал, что делает.

– Это означает, – указал Ратлидж, – что мистер Теллер должен был полностью одеться, иначе вы обратили бы на него внимание.

– Верно, сэр.

Молодая стажерка открыла дверь и направилась к Ратлиджу.

– Это единственный выход для публики? – спросил он у санитары.

– Да, сэр.

– Старшая медсестра примет вас, – сказала Ратлиджу молодая женщина. – Вы из Скотленд-Ярда? Ее предупредили о вашем визите.

Ратлидж поблагодарил санитару за помощь и последовал за стажеркой в оживленный коридор, где сновали медсестры.

– Здесь всегда такая суета?

– Да, сэр. Здесь кабинеты врачей. Палаты за дверью в дальнем конце и наверху. – Она остановилась у двери слева и постучала, прежде чем войти.

Старшая медсестра вышла из-за стола, протянула холодную руку Ратлиджу, когда он представился, и указала на стул.

Это была высокая женщина с прямой осанкой, светлыми седеющими волосами и холодными голубыми глазами. Голос ее звучал так же холодно.

– Добрый день, инспектор. Спасибо, что пришли так быстро.

«Она не любит полицию», – сказал Хэмиш.

Старшая медсестра тотчас же подтвердила это:

– Жаль, что ваше присутствие оказалось необходимым. Но миссис Теллер очень обеспокоена, и, хотя местная полиция делает все, что может, ее подбодрит то, что ресурсы Скотленд-Ярда направлены на поиски ее мужа.

Стажерка, которая привела его, бесшумно закрыла за ним дверь.

Ратлидж подумал, что старшей медсестре пришлось нелегко, сначала обыскивая клинику и общаясь с полицией, а потом отвечая на вопросы взволнованной семьи Теллера.

– У вас есть причины полагать, что мистер Теллер намеревался причинить себе вред? – спросил он ее. – Мне сказали, он был очень болен.

– Мы не смогли диагностировать его болезнь, – сказала старшая медсестра. – Но есть основания думать, что он был чем-то обеспокоен и это беспокойство обрело физическую форму. Тот факт, что он поправился так быстро, позволяет надеяться, что его психическое состояние тоже нормализовалось.

Она не ответила на его вопрос.

– Он мог покончить с собой?

– Мы не можем вам это сказать.

Дверь позади него снова открылась, и та же стажерка ввела высокую стройную светловолосую женщину в синем платье. Ее глаза покраснели от слез, а лицо было бледным.

Ратлидж сразу догадался, кто это. Поднявшись, он подошел к ней, взял ее за руку и назвал себя.

– Миссис Теллер? Сожалею об исчезновении вашего мужа. Ярл сделает все, что в его силах, чтобы вернуть его вам как можно скорее.

– Благодарю вас. – В голосе Дженни Теллер звучали слезы.

Ратлидж подвел ее ко второму стулу, который уже поставили у стола старшей медсестры. Судя по лицу последней, она была недовольна, что он так быстро прекратил разговор с ней.

Дженни Теллер глубоко вздохнула.

– Есть какие-нибудь новости? – с надеждой спросила она.

– Я здесь, чтобы получить информацию, которая поможет нам в поисках.

– Но я говорила сержанту...

– Сержант Биггин отметил это в своем рапорте. Но иногда, задавая вопросы, мы узнаем новые детали, которые могут оказаться полезными. Вы не можете поподробнее рассказать мне о болезни вашего мужа?

Дженни начала сбивчиво описывать поездку мужа в Лондон и ее завершение, когда семейный врач отправил его в «Бельведер» для дальнейшего обследования.

– Я не хотела ехать в Лондон с ним. Мы поссорились накануне вечером – из-за скорой отправки Гарри в школу, – и теперь я виню себя, что не была там, когда ему стало плохо. Мы могли бы быстрее обратиться за помощью, возможно, он быстрее бы поправился, и ничего бы этого не произошло. – Она нашла в кармане носовой платок и прижала его к глазам, потом устало улыбнулась. – Это были худшие пять дней в моей жизни.

– А с вашим сыном ничего не произошло? Тогда или позже?

– Нет, он был и есть в полном порядке. Не представляю, что Монтли подумали обо мне, но я заразилась у Уолтера страхом и боюсь, что говорила несколько... навязчиво.

– У вас были предположения насчет того, что не так с вашим мужем?

– Сначала я подумала, что вернулась его малярия. Но потом, когда я сказала ему, что с Гарри все в порядке, Уолтер попытался выйти из автомобиля и не смог. Понадобилась помощь экономки, чтобы привести его в дом, где доктор Филдинг смог его обследовать.

– Каково было его мнение?

– У Уолтера частил пульс, и доктор Филдинг спросил меня, не перенес ли он шок или не получил ли плохие новости, но я ничего не знала, а Уолтер не мог вспомнить, что с ним случилось. С машиной было все в порядке – аварии не произошло.

Ратлидж повернулся к старшей медсестре:

– И врачи здесь обследовали мистера Теллера, как только его сюда доставили?

– Да. Мистер Теллер жил за границей и болел малярией. Несколько специалистов обследовали его, и один выразил беспокойство насчет паразитов. Но мистер Теллер с начала войны не занимался миссионерством, поэтому воздействие паразитов не кажется вероятным. Доктор Шелдон, эксперт по тропической медицине, приходил осматривать его, но не нашел никаких признаков болезни. – Она посмотрела на Дженни Теллер и продолжила: – Мы попросили другого специалиста поговорить с мистером Теллером и проверить, не являются ли его проблемы результатом душевной болезни. Но мистер Теллер отвечал вполне разумно. Но тем вечером – на второй день его пребывания в «Бельведере» – он отказался от обеда, отвернулся лицом к стене и не разговаривал ни с персоналом, ни с миссис Теллер. Таким он оставался до конца недели. Мы видели, что его паралич прогрессирует, и делали для него все – подносили к его губам стакан с водой, помогали переворачиваться в постели.

«Что-то было у него на уме», – сказал Хэмиш.

Ратлидж едва не ответил ему вслух. Вместо этого он спросил Дженни:

– Вы знаете о чем-то, что беспокоило вашего мужа?

– Нет, я так и сказала врачам. Это я беспокоилась из-за отправки Гарри в школу. Уолтер настаивал, чтобы мы выполнили желание его отца. Но его отец умер шесть лет назад!

– Почему мистер Теллер так хотел отослать вашего сына? Они ладили друг с другом?

Она устала на него.

– Конечно, ладили. Они были очень близки. Это вина его отца. Понимаете, Гарри – единственный наследник. У братьев Уолтера нет детей, а его сестра не замужем. В семье есть гемофилия. Ею страдают Эдвин и жена Питера Сюзанна – его кузина, дочь сестры его матери. Поэтому, когда родился Гарри, отец Уолтера решил отдать его в Хэрроу, где учились все наследники в нескольких поколениях. Это семейная традиция. И я не спорю. Просто я не хотела, чтобы Гарри уезжал так скоро.

– Где сейчас семья вашего мужа?

– Занята поисками Уолтера. Они говорили с полицией, а потом уехали. Им кажется, что он все еще где-то поблизости.

– А ваш сын?

– Моя сестра Мэри заботится о нем. Мы постарались не тревожить его. А ему нравится гостить у Мэри. Она его так балует.

Больше спрашивать было не о чем, поэтому Ратлидж откланялся, заверив, что будет сделано все возможное.

После этого он направился в палату Теллера, но ничего не обнаружил. Шкаф, где пациенты хранили свою одежду, был пуст, а поиски в ящике столика у кровати и даже под матрасом не дали никаких ключей к душевному состоянию исчезнувшего или его намерениям.

Следующие полчаса Ратлидж провел, встречаясь с врачами Теллера, которые неохотно признали то, что не имеют понятия, чем болел пациент. По общему мнению, он страдал психическим расстройством.

Поблагодарив их, Ратлидж вспомнил страх Боулса, что у Теллера могла быть какая-то новая болезнь, и спросил, заразен ли Теллер.

Последовали немедленные заверения, что нет. Но Ратлидж не удивился бы, узнав, что они скрестили пальцы за спиной.

– Психика странная вещь, мистер Ратлидж, – сказал доктор Хармон. – Она может создавать несуществующих демонов, помнить события, которых не было, и способствовать телесному заболеванию. – Он улыбнулся. – Мой сын по-настоящему болеет перед свиданием с дантистом – у него даже бывает жар. Это простой пример, но он иллюстрирует могущество психики.

Ратлидж слишком хорошо знал об этом могуществе и о том, что, если оно движется определенным курсом, изменить этот курс почти невозможно. Его интересовало, что бы хороший врач подумал о Хэмише.

– Это могло бы побудить мистера Теллера причинить себе вред? – спросил он.

– К сожалению, могло бы. Думаю, он решил умереть. И когда этого не произошло, он пришел к выводу, что необходимы другие меры. На вашем месте я наблюдал бы за рекой.

Ратлидж поблагодарил его и удалился. Сержант Биггин как раз входил в дверь клиники и остановился, чтобы поговорить с Ратлиджем.

– Мы не обнаружили никаких его признаков, сэр. Час назад я велел обыскивать улицы, мы распространили описание мистера Теллера и его одежды. Миссис Теллер любезно помогла нам в этом. Никогда бы не подумал, что такой больной человек может исчезнуть так быстро. Мы даже поручили одному сотруднику пройтись по залам Британского музея на случай, если он бродит там.

– А вы наблюдаете за рекой?

– Я отдал приказ, сэр. Но река в некотором отдалении. Думаете, он мог добраться так далеко, больной и на своих ногах?

– Мне кажется, он мог сделать все, что решил. Держите меня в курсе, Биггин. Здесь я больше ничего не могу сделать. Вы встречались с остальными членами семьи?

– Да, сэр. Они были очень сердиты. Ну, этого следовало ожидать. Но, по-моему, они были сердиты не только на клинику, но и на самого Теллера. Хотя это звучит странно.

– Тем не менее я это запомню.

Следующим утром Ратлидж рано вернулся в клинику. Он нашел миссис Теллер в маленькой гостиной старшей медсестры, где, кроме них двоих, никого не было. Миссис Теллер спросила его о новостях, как только он шагнул в дверь, но ему нечего было ей сообщить. Он стал извиняться, как будто был виноват, что ее мужа не нашли.

Чтобы отвлечь миссис Теллер, Ратлидж спросил, была ли с ней ее семья этим утром.

Дженни Теллер вздохнула и покачала головой:

– Они вернулись около восьми. Видно было, что они не удовлетворены действиями полиции. Я сказала им, что вы приходили повидать меня, но они остались недовольными. А сегодня утром Эйми – жена Эдвина – сказала мне, что Эдвин и Питер не уверены, что Уолтер все еще в Лондоне. Поэтому они отправятся искать его там, где, как они чувствуют, он может быть. Я знаю, что Сюзанна, жена Питера, поехала в Корнуолл, так как его семья часто проводила там лето, когда он был ребенком. Я думаю, это чепуха, но они так же беспокоятся, как я. – Она отвернулась, чтобы Ратлидж не мог видеть ее лица. – Я спросила Эйми, не может ли она остаться здесь со мной. Но она хотела поехать на ферму Уитч-Хейзел на случай, если Уолтер решил отправиться лечиться домой. Но он знает, что я в Лондоне, и ему не пришло бы в голову ехать в Эссекс.

– Он мог проснуться, не найти вас здесь и отправиться в Эссекс на поиски, – сказал Ратлидж.

– Но он знал, что я бы не поехала так далеко. Что касается его семьи, я чувствую себя брошенной. Братья Уолтера больше беспокоятся о нем, чем обо мне. Это звучит эгоистично, не так ли? Но они были здесь вчера вечером, донимали полицию, и я видела, что им трудно усидеть на месте.

– Думаете, они могут знать что-то, о чем не рассказали полиции? О болезни вашего мужа или его исчезновении?

– Что они могут знать? – Помолчав, она сказала: – Уолтер хороший человек, он пытался соответствовать своему призванию. Он добрый, внимательный и не принадлежит к тем, у кого могут быть секреты. Уолтер не оставил бы меня в таком беспокойстве, если бы был в здравом уме. Я в этом уверена. Безусловно, вчера он сам не знал, что делает. Страшно думать, что он болен, не может верно судить о вещах и позаботиться о себе.

– Понимаю. – Ратлидж посмотрел на старшую медсестру, интересуясь, хочет ли она что-нибудь добавить, но она с беспокойством наблюдала за миссис Теллер и, только почувствовав на себе его взгляд, повернулась к нему:

– Я могу лишь сказать, что мистер Теллер был очень подавлен своей болезнью. Возможно, он боялся, что такое состояние сохранится до конца его дней.

– Тогда улучшение должно было очень ободрить его, – заметил Ратлидж. – Но этого не произошло. Я прихожу к мысли, что у него на уме было что-то еще. – Он снова повернулась к миссис Теллер. – Где он мог, вероятно, объявиться, если был обеспокоен?

– Почему он должен был где-то объявляться? Ему достаточно было спросить одну из сестер, куда я ушла. Они бы сказали ему. – Она заморгала, сдерживая слезы. – Это был единственный раз, когда я оставила его. Я долго не спала – боялась, что он умрет.

– Когда сестра Агнесс заглянула к нему незадолго до трех часов, он казался спящим, – сказала старшая медсестра. – А когда она вернулась в двадцать минут пятого, его уже не было. Прошло чуть больше часа, но он смог одеться. Это кажется невероятным.

– Кто-то мог помочь ему одеться и уйти.

– Кто? С какой целью? – быстро спросила Дженни Теллер. – Все были в доме Эдвина.

«Он ждал, чтобы она ушла?» – спросил Хэмиш.

Это был хороший вопрос. Сама Дженни только что сказала, что ранее не покидала мужа. А он едва ли мог одеться и ускользнуть в ее присутствии.

Ратлидж оставил миссис Теллер на попечение старшей медсестры и отправился ознакомиться с клиникой.

Сестра Вивиан сопровождала его и отвечала на вопросы. Но было очевидно, что пациент вряд ли мог ускользнуть через вход для персонала или дверь, куда доставляли припасы и откуда выносили мертвых.

Ясно было одно: Уолтер Теллер больше не находился в клинике «Бельведер».

«Да, – промолвил Хэмиш. – Если бы не его горящая жена, он мог бы не существовать вовсе».

Глава 8

Выйдя из палаты Теллера, Ратлидж столкнулся с сержантом Биггином, ищущим его.

– Я не хотел беспокоить его жену, – сказал Биггин. – Но найден труп. Вы должны взглянуть на него.

– Я не смогу опознать Теллера. И не хочу подвергать миссис Теллер этой процедуре, пока не узнаю, нашли вы ее мужа или нет.

– Правильно.

– Подождите здесь.

Ратлидж вернулся в гостиную, где миссис Теллер только что присоединилась к старшей медсестре для утренней чашки чая. Было мучительно наблюдать надежду, вспыхнувшую в ее глазах при виде его и погасшую снова.

– Миссис Теллер, есть в доме вашего деверя фотография вашего мужа, которая помогла бы полиции в поисках свидетелей, видевших его? Я охотно послал бы кого-нибудь за ней.

– Фотография? – Она открыла сумочку и достала оттуда маленький бархатный футляр. – Есть. Но она очень ценная.

– Ей не причинят никакого вреда, – пообещал Ратлидж и вынул из футляра серебряную рамочку.

– Тогда Уолтер был моложе, – предупредила его Дженни. – Он подарил мне эту фотографию перед нашей свадьбой.

Ратлидж увидел мужественное лицо, отмеченное чем-то, что он не мог определить. Повлияли годы, проведенные в Африке? Возможно. Но выражение глаз противоречило улыбке перед камерой.

Он поблагодарил миссис Теллер и вернулся туда, где его ждал Биггин.

– Пошли, – сказал Ратлидж.

– На нем не та одежда, которую описала миссис Теллер, – сообщил ему Биггин, когда они вышли к автомобилю. – Но внешнее описание совпадает. Рост, вес, цвет волос.

– Что с ним случилось? – спросил Ратлидж.

– Его ударили ножом на Вестминстерском мосту и нашли вскоре после рассвета.

У Ратлиджа упало сердце. Неужели Билли убил его? Боулса хватит удар, если первой жертвой парня окажется Уолтер Теллер.

Они молча подъехали к моргу, где находилось тело, одежда лежала в картонной коробке.

– Хотите сначала обследовать его вещи? – спросил дежурный.

– Он был ограблен?

– Думаю, да. Ни часов, ни колец, ни денег.

– Тогда я взгляну на тело.

Ратлидж привык смотреть на мертвых. Иногда его удивляло, как много он мог прочесть на мертвом лице. Но зачастую там не было ничего, кроме пустоты. Как если бы смерть стерла всю сущность некогда живого существа.

Биггин был прав. Жертва была того же роста и сложения, что и Уолтер Теллер; его волосы разделял пробор слева. Но один взгляд сказал Ратлиджу, что это не Теллер. Даже прошедшие годы не могли так его изменить. Размером и весом мертвец скорее напоминал самого Ратлиджа.

Инспектор попросил повернуть тело, чтобы обследовать рану в спине. Нож вошел в том месте, где Ратлидж почувствовал слабый укол на своей коже. После ухода от Лонсдейла он обнаружил маленькое пятно засохшей крови на собственной спине.

Конечно, ему следовало задержать мальчишку, несмотря на вмешательство констебля. Нужно было остановить его, пока он не убил.

Но теперь было слишком поздно.

Кивком велел дежурному прикрыть тело, Ратлидж сказал Биггину:

– Это не Теллер. Но я, вероятно, могу идентифицировать того, кто это сделал. Если задержите подозреваемого, пошлите за мной.

– Хорошо.

Ратлидж покинул морг в мрачном настроении и, высадив Биггина у его участка, поехал назад в клинику «Бельведер».

Миссис Теллер снова отправилась в пустую палату мужа, и он нашел ее там смотрящей в окно и погруженной в размышления.

Она повернулась, когда Ратлидж вошел. Он увидел беспокойство на ее лице и снова удивился тому, что семья покинула ее в такое время.

Это не имело смысла.

Ратлидж ничего не сказал о мертвеце.

– Боюсь, новостей нет, но полиция проинформировала меня о своих действиях. – Он долго говорил с Биггином в автомобиле. – Область поисков расширена, включая реку...

При этих словах Дженни вскрикнула.

– Миссис Теллер, мы должны быть реалистичными. Ваш муж пребывал в состоянии сильного стресса. Возможно, он ушел из клиники с намерением причинить себе вред, и, чтобы найти его, мы должны понимать его душевный настрой.

– Нет! – воскликнула Дженни. – Уолтер не покончил бы с собой. Я знаю моего мужа – у него не было причины желать смерти и были все основания хотеть жить. Я не хочу это слушать.

Ратлидж провел еще десять минут, пытаясь поколебать ее уверенность.

– Если бы мы знали, что вызвало странную болезнь вашего мужа, – сказал он наконец, – то смогли бы с большей уверенностью предположить, куда он отправился и почему. Что произошло с ним между посещением банка и отъездом к вашему дому, изменившее его и вызвавшее паралич?

– Думаете, я бы не сказала доктору Филдингу или здешним врачам, если бы у меня была хоть какая-то идея? – Ее голос звучал сердито. – Моя сестра была здесь раньше этим утром. Я спросила ее, знает ли она что-нибудь, что может помочь. Иногда он говорил с ней о своей миссионерской работе. Мэри всегда поддерживала миссии, хотя не питала иллюзий насчет трудностей, которые приходится терпеть работающим там людям. Она не могла найти никакой причины. И я видела, что Мэри беспокоится не меньше меня. Поэтому мне не хватило духу спросить ее, не мог ли кто-нибудь проклясть Уолтера в Африке. Я слышала о таких вещах, хотя не верю в них, и Уолтер, конечно, тоже не верит. Но кто знает...

Она оборвала фразу и прижала руки к глазам, отчасти стыдясь своих страхов, а отчасти боясь высказать их вслух.

Ратлиджу было нечего на это ответить. Прошло едва ли двадцать четыре часа после исчезновения ее мужа, но иррациональные страхи уже подсказывали невероятные объяснения.

Он вызвал дежурную сестру посидеть с миссис Теллер и удалился.

Глава 9

Ратлидж нашел лондонские адреса Эдвина и Питера Теллеров и поехал в каждый дом, но горничные, открывшие дверь, информировали его, что семьи отсутствуют.

Где бы они ни искали, Ратлидж чувствовал, что им везет не больше, чем ему в поисках их брата.

Второй день исчезновения Уолтера Теллера не принес новостей. Казалось, он никогда не существовал.

«Если бы он действительно потерялся и где-то бродит, – заметил Хэмиш, – кто-нибудь заметил бы его и привел в больницу или полицию».

Эта мысль была в голове у Ратлиджа все утро.

– Возможно, Уолтер не хочет, чтобы его нашли, – ответил Ратлидж. – Это альтернатива самоубийству.

«Верно», – согласился Хэмиш.

Это имело определенный смысл. Если кто-то не может смотреть в лицо ночному кошмару, он старается избежать его. Но какой кошмар преследовал Уолтера Теллера?

Ратлидж вернулся расспросить врачей Теллера.

Но они не смогли раскрыть секреты их пациента.

– Жена Теллера тоже ищет ответы, – сказал Ратлидж. – Она даже предполагала возможность проклятия, наложенного на ее мужа во время пребывания в Западной Африке.

– Проклятия – интересная штука, – ответил доктор Дэвис. – Они действуют на людей, верящих, что проклятие может сработать. Короче говоря, проклятие эффективно, потому что жертва верит, что несчастье случится и его невозможно предотвратить. По-моему, Теллер был слишком умен и слишком хорошо знал людей, с которыми работал, чтобы поддаться на такую угрозу. Я говорил с несколькими другими миссионерами, которые рассказывали мне, что проклятие наложено на них шаманом племени. Конечно, оно не сработало, что повлекло за собой неприятности для шамана. Его могущество на поверку оказалось слабым.

– А что может являться современным эквивалентом проклятия? – спросил Ратлидж.

– Это еще более интересный вопрос, – отозвался Дэвис. – Думаю, это приобрело бы форму того, что случилось однажды, и страха, что это произойдет снова. Если кто-то обнаружил чужака в своем доме темной ночью, он может опасаться, что то же самое произойдет в другую темную ночь. – Врач улыбнулся. – Вина тоже может порождать иррациональные страхи.

– Теллер мог умереть от своей болезни? Было это у него на уме?

– Думаю, нет – болезнь не могла убить его. Факт, что он поправился так быстро, подтверждает это.

– Могу вам сказать, что Уолтер Теллер не боялся смерти, – вмешался доктор Шелдон. – Когда он поворачивался лицом к стене, это было его заявление, что смерть предпочтительнее.

– Предпочтительнее чему? – Но Ратлидж не получил ответа. – У вас есть причина предполагать, что Теллер был отравлен?

– Нет. Мы рассматривали эту теорию, но не нашли никаких доказательств. А разве есть причина считать...

– Нет, – быстро прервал Ратлидж. – Но полицейский должен держать это в уме.

Когда он покинул клинику, Хэмиш сказал: «Едва ли Теллер ушел умирать. Он мог повеситься в своей палате, когда его жена отдыхала в доме его брата».

– Он не хотел, чтобы жена нашла его тело.

Ратлидж провел большую часть дня и начало вечера, объезжая полицейские участки Лондона и показывая фотографию Теллера каждой уходящей или приходящей смене констеблей.

Они изучали фото, но никто не видел никого, напоминающего Теллера. Как правило, констебли на улице запоминают лица людей, обычно появляющихся на их участках, присматривая за посторонними. Даже хорошо одетый и правильно говорящий человек, вроде Уолтера Теллера, был бы ими замечен.

Один констебль сказал Ратлиджу, качая головой:

– Более вероятно, что он взял такси вскоре после ухода из клиники и задолго до начала поисков. Сейчас он может находиться где угодно. Он мог сесть в омнибус, поезд или частную машину.

Но Ратлидж уже послал человека из Ярда поговорить с таксистами, которые подбирали клиентов у клиники в четыре часа дня исчезновения. Никто не помнил ни Уолтера Теллера, ни даже похожего на него.

«Ты ищешь иголку в стоге сена», – сказал Хэмиш Ратлиджу.

– Или одного человека вместо двух. Кто-то мог прийти за ним или помочь ему одеться и уйти.

В клинике отсутствовали записи о посетителях Уолтера Теллера, кроме членов его семьи. Но было возможно использовать имя другого пациента, чтобы миновать швейцара и добиться успеха. Однако это ничего не давало.

Ратлидж даже ездил в Эссекс, в дом доктора Филдинга, прибыв туда, когда Филдинг готовился к осмотру первого пациента во второй половине дня.

Доктор нехотя отложил трубку, которую курил, и стал отвечать на вопросы Ратлиджа об Уолтере Теллере.

– Могу дать вам краткое описание его прошлого. Теллер много лет был миссионером, потом женился на Дженни Бриттингем. Вместо того чтобы вернуться к работе, он предпочел писать книгу о своих опытах.

– И это было...

– За год или больше до войны – в 1911-м или 1912-м.

Ратлидж подумал о том, как война определяет время – до войны, после войны. Эта катастрофа прервала и отняла столько жизней, что все еще служила личным водоразделом.

– И конечно, Гарри – их сын. Славный мальчик и совсем не избалованный, как можно было ожидать при наличии окружающих его любящих тетя и дядя. Дженни – миссис Теллер – заботится об этом. Она очень хорошая мать.

– Теллер был на войне?

– Фактически, да. Капелланом. Но он заболел малярией в дождливую весну перед битвой на Сомме и был отправлен домой выздоравливать. Решили не посылать его назад во Францию, поэтому он обслуживал раненых здесь.

– Во время войны не происходило что-нибудь, что могло повлиять на случившееся с ним на прошлой неделе?

Филдинг поднял брови:

– Насколько я знаю, нет. Помню, Теллер говорил, что видел смерть в стольких обличьях, что потерял страх перед ней задолго до отправки во Францию. Во время голода в Западной Африке люди умирали массами. Да и в Китае, по его словам, смерть была так же обычна, как мухи. Нет, тут вы лааете не на то дерево.

– Тогда что вызвало его болезнь?

– Этого я не могу вам сказать. Потому я и отправил Теллера в клинику «Бельведер». И последний отчет, который я получил, был весьма мрачным. Признаков улучшения не появилось, и больной начал ощущать парализацию в руках и ногах.

– Думаете, паралич был подлинным?

– Вы спрашиваете, не была ли его болезнь симуляцией? Конечно нет! Я готов в этом поклясться.

– Тогда как вы объясните тот факт, что три дня назад Уолтер Теллер покинул больничную койку, пока его жена отдыхала, самостоятельно оделся и ушел из клиники?

– Что?! Вы говорите, он полностью поправился? И что думают об этом его врачи? – Склонившись вперед, Филдинг уставился на Ратлиджа.

– Они не лучше вас понимают происшедшее. Но Теллер исчез, и не было ни слова от него после его ухода.

– Господи, его до сих пор не нашли? Как Дженни? Должно быть, она расстроена.

– Она восприняла это очень тяжело, как и следовало ожидать. Теперь я повторяю более ранний вопрос: вы можете пролить какой-нибудь свет на его болезнь? Или его чудесное выздоровление?

– Не могу ничего себе представить, инспектор. Человек был болен – я видел это сам. Все, что я мог сделать с помощью миссис Теллер и их служанки Молли, – это отвести его в дом, чтобы толком обследовать. Он висел на наших руках мешком. Это нелегко симулировать. Я бы занялся дорогой от его банкира в Эссекс. Что до его выздоровления, кто-то еще, очевидно, был там, когда он одевался и уходил из клиники. Не могу представить, чтобы это произошло иначе.

– Почему кто-то должен был помочь ему покинуть клинику и не сообщить миссис Теллер, что он в безопасности?

– Надеюсь, вы не думаете, что это нечистая игра? Это невозможно. – Филдинг покачал головой. – У Уолтера не было врагов. Кроме, быть может, самого себя.

Из приемной Филдинга Ратлидж поехал на ферму Уитч-Хейзел и постучал в дверь.

Экономка Молли открыла ему и, когда Ратлидж представился, быстро сказала:

– Не говорите мне, что что-то случилось с мистером Теллером!

– Почему вы думаете, что с ним что-то должно случиться? – спросил Ратлидж, неправильно поняв ее вопрос.

– Потому что вы полицейский. А он не был самым собой, когда приехал из Лондона таким больным.

– Его врачи все еще не определились с причиной болезни. Скажите, у него были боли, когда вы помогали миссис Теллер привести его в дом?

– Боли? – переспросила она. – Нет, я бы так не сказала. Скорее он был напуган. Я слышала, как он дважды спрашивал миссис Теллер, не думает ли она, что это его сердце.

– Были в доме какие-нибудь посетители перед поездкой в Лондон? А может быть, письма или телеграммы?

– Никаких посетителей после дня рождения мистера Теллера, – ответила Молли. – И я не припоминаю никаких писем. Правда, не в моей привычке заглядывать в почту, когда ее приносят. Я просто кладу ее на поднос вон там. – Она указала на длинный и узкий серебряный поднос на полированном столе в большом холле позади, потом нахмурилась, как будто что-то вспомнив. – Я знаю, что было письмо из миссионерского общества утром в день рождения. Я слышала, как он пробормотал себе под нос, что Бог наконец вспомнил о нем. Странно, не так ли?

– Он регулярно получал письма из общества?

– Не в моей привычке просматривать почту, – повторила она.

– Возможно, вы случайно увидели письмо. Это может быть важным.

– Пожалуй, – промолвила Молли после небольшого колебания, – я бы сказала, что прошло некоторое время с тех пор, как мистер Теллер получил письмо от них. Я думаю, что после войны, малярии и прочего он был здесь в продленном отпуске, как это называла миссис Теллер.

Было ли письмо призывом к исполнению долга? Это могло бы объяснить исчезновение Теллера.

– Кто-нибудь из семьи приезжал сюда после того, как мистера Теллера забрали в лондонскую больницу?

– Мистер Эдвин и миссис Эйми приезжали просмотреть его бумаги на прошлой неделе. Думаю, они надеялись найти причину болезни мистера Теллера.

Очевидно, это было перед его исчезновением.

– Они нашли, что искали?

– Не знаю. Я не видела их, когда они уходили. Я была в кухне – готовила чай, – а когда пришла с подносом, кабинет оказался пуст, и машина уже не стояла перед дверью. – Последовала пауза. – Миссис Эйми возвращалась два дня назад. Она сказала, что ей нужна свежая одежда для миссис Теллер. Я помогла ей выбрать подходящее.

– Она заходила куда-нибудь в доме, кроме спальни миссис Теллер? Например, в кабинет?

– Нет, сэр. Я бы знала, если бы было иначе.

– И она взяла из дома только одежду?

– Да, сэр. Я спросила ее, как себя чувствует мистер Теллер. Она сказала, что миссис Теллер задержится в Лондоне, пока врачи не выяснят, что с ним. Судя по ее лицу, она была обеспокоена. А одежда, которую она взяла, была в основном черная.

И, подумав Ратлидж, два дня назад Эйми Теллер знала, что Уолтер Теллер исчез.

Вернувшись в Лондон, Ратлидж снова отправился на Марлборо-стрит и Болингброк-стрит повидать Эдвина Теллера и его брата Питера. Но никто из них не вернулся в город.

Он поехал в свою квартиру, чтобы переодеться, и нашел на пороге телеграмму.

Приближалась гроза – стало темно, и ветер разносил бумажки из сточной канавы, покачивая цветы в соседнем саду.

Война научила многих людей, что телеграммы приносят плохие новости. Пропажа без вести. Смерть. Конец надежде. Ратлидж наклонился, чтобы поднять телеграмму, ощущая сильное предчувствие, что ее не следует вскрывать.

«Война окончена, – сказал Хэмиш. – Больше некого убивать». – В знакомом голосе слышалась горечь.

Ратлидж подобрал телеграмму с порога и сунул ее в карман, когда над головой сверкнула молния и ударил гром, напомнив грохот французских орудий.

Он налил себе выпивку, вынуждая образы, теснившиеся в его голове, вернуться во тьму, откуда они пришли, и на сей раз ему удалось разрушить чары. Или же это стихающая буря, удаляясь вниз по реке, стерла воспоминания о войне? Ратлидж не мог быть уверен. Он нашел чистую рубашку, надел ее и полез в карман за телеграммой.

Небо достаточно очистилось, чтобы Ратлидж мог прочитать текст, не зажигая лампу. Он узнал имя под сообщением и понял, что его предчувствие было верным.

Телеграмма была подписана Дэвидом Тревором.

Волна вины захлестнула его. Слишком много писем от его крестного оставалось без ответа. Это, безусловно, был призыв приехать в Шотландию и объясниться.

Тревор жаловался в последнем письме: «Занят расследованием? Неужели добрых горожан Лондона убивают с такой скоростью, что ты не можешь найти минуту для нас? Мне трудно в это поверить». Ратлидж почти слышал в его словах насмешку, неуверенность и печаль.

Он изучил краткое сообщение: «Приезжаем завтра. Тчк. Встреть нас на вокзале».

Далее было указано время прибытия поезда.

Ратлидж не без паники задумался над словом «нас».

О боже, только не вся семья!

Но нет, Тревор, должно быть, имел в виду себя и своего внука.

Ратлидж выругался, чувствуя себя загнанным в ловушку, из которой нет выхода.

Он нашел зонтик и вернулся к своей машине, поехав по мокрым улицам к дому своей сестры. К счастью, она оказалась на месте, и он вошел в дом, почти крича ее имя.

– Иен, я не глухая и не на чердаке. В чем дело? – осведомилась Франс, спускаясь по лестнице.

Ратлидж протянул ей телеграмму.

– Тревор приезжает. Ты знала? Боюсь, ему придется остановиться у тебя, так как я не успею сделать свою квартиру пригодной для обитания. – Мысль о присутствии там Тревора, слышащего, как Ратлидж кричит по ночам, была невыносимой. Объяснить причину криков он был не в силах. И Тревор обратился бы за объяснениями к Франс.

– Обитаемой? Не говори глупости. Когда твоя квартира не была скрупулезно аккуратной? Иногда я думаю, действительно ли ты живешь в ней. Конечно, он остановится здесь. – Она засмеялась при виде паники в глазах брата. – Дорогой, это же твой крестный, а не твой полковник. Он привезет маленького мальчика. Он говорил мне, что Мораг переворачивает содержимое буфетов и взбивает матрасы, так что людям негде отдохнуть. – Но паника не исчезла в глазах брата, и Франс заговорила серьезно: – Я уверена, Иен, что ты не возражаешь провести один-два дня с Дэвидом? Разумеется, я позабочусь о его удобствах. Он очень беспокоится. Ты не писал годами, и ему нужно убедиться, что все в порядке. – Она сделала паузу, глядя на него. – Все в порядке, не так ли, Иен? Это все из-за работы.

Ратлидж чувствовал себя застигнутым на месте преступления.

Беда в том, что Дэвид Тревор был проникательным человеком и видел слишком многое. Что, если Хэмиш отправит его в темноту посреди обеда – обеда в клубе Тревора, во время прогулки в Сент-Джеймс-парке? У него не было достаточно времени подготовиться. Ему придется быть настороже, как в армии, чтобы не выдать свои расстроенные нервы. Что-то проскользнет – слово, колебание, отсутствие сосредоточенности. И Тревор это заметит.

– Это Дэвид, дорогой мой, – мягко сказала Франс. – Он потерял сына и все еще горюет.

– Я не могу заменить Росса. Никто не может. – Ратлидж стоял с беспомощным видом.

– Дэвид не просит тебя заменить его. Думаю, он всего лишь хочет услышать твой голос, увидеть твое лицо и посмеяться с тобой над какой-нибудь глупостью, как бывало до войны. Он претендует лишь на маленький промежуток времени, где нет ни прошлого, ни будущего. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Ратлидж понимал слишком хорошо. Вопрос был в том, сможет ли он изобразить силу и беззаботность, чтобы не выглядеть горюющим тоже.

Он глубоко вздохнул.

– Дэвиду следовало дать мне немного времени уладить дела в Ярде... – Ратлидж умолк. Расследование исчезновения Теллера отнимало все его время.

– И ты бы посоветовал ему не приезжать. Подозреваю, что он это знал. А пока что мне придется заняться приготовлениями. Мы проветрим свободную спальню и детскую, а еды хватит, даже если Дэвид пригласит на ланч старого партнера по архитектурной фирме и леди, которая захочет прийти с ним к чаю.

Это привлекло внимание Ратлиджа. Он поднял взгляд.

– Леди?

– Мелинда Крофорд, конечно. – Она улыбнулась. – Мы собираемся в Кент послезавтра. Все уже обговорено.

Ратлидж понимал, как много они спланировали без его ведома. Но если готовились поездка в Кент, ланч в клубе и визит в зоопарк или куда еще захочет пойти беспокойный мальчуган, он может... ну, справиться.

– Иен?

– Все в порядке. Но ты должна поехать на вокзал. Я не могу...

– Но ты можешь освободить полчаса, – мягко сказала Франс, – и привезти их сюда ко мне.

В итоге на следующее утро Ратлидж оказался на вокзале Сент-Панкрас, ожидая поезда из Эдинбурга. Во рту у него пересохло, а в ушах звенел голос Хэмиша.

Глава 10

Почти восемь месяцев Ратлидж отказывался от каждого предложения его крестного Дэвида Тревора вернуться в Шотландию. То, что произошло там в сентябре прошлого года, сделало его почти мертвым физически и истощенным эмоционально. Он не нуждался в напоминании об этом времени – события прочно запечатлелись в его памяти, и Хэмиш заботился о том, чтобы каждая деталь оставалась кристально ясной. Ибо он вошел в мир Хэмиша без всякого предупреждения, и цена оказалась слишком высокой.

Ратлидж не мог рассказать крестному, почему сама мысль о путешествии на север все еще была непереносимой. Из-за Фионы – женщины, на которой Хэмиш хотел жениться. Из-за того, что слишком много молодых шотландцев вроде Хэмиша погибло под его командованием. Тем не менее иногда ему казалось, что Тревор уже понимал значительную часть истории – по крайней мере, ту часть, которая происходила в Шотландии. Но никто не должен узнать всю правду о Хэмише и о том, что случилось во Франции.

Теперь Ратлидж радовался, что расследование отнимает так много времени, – это давало ему предлог не общаться с гостями, когда напряжение становилось слишком велико.

Как обещал, Ратлидж встречал визитеров на вокзале и, когда появился поезд, почувствовал, как напряжение вторгается в его тело, словно стальные штыри.

«Это не поможет», – насмешливо произнес Хэмиш.

Ратлидж ничего не ответил, пытаясь сглотнуть вкус горечи.

Когда вагоны медленно проезжали мимо него, бежать было слишком поздно. Его крестный, стоя у окна, помахал ему рукой, прежде чем дверь вагона открылась. Тревор вышел, держа за руку маленького мальчика, сказал что-то ему и вернулся в вагон за кожаным саквояжем, который оставил на сиденье. Ратлидж осознал за несколько секунд, что его крестный выглядит лучше, чем во время их прошлой встречи. Напряжение исчезло с его лица, а походка стала более легкой. Очевидно, это благодаря мальчику.

Оба подошли к Ратлиджу.

– Здравствуй, Иен, рад тебя видеть, – сказал Тревор, пожимая протянутую руку. – Все передают тебе привет. А это юный болтун, как мы его называем. Мальчик, помнишь своего названного дядю? Когда-то он очень хорошо знал твоего отца.

Мальчик робко протянул руку.

– Здравствуйте, дядя Иен. – Когда Ратлидж взял его маленькую ручку в свою, он добавил: – Я ехал в поезде всю дорогу из Шотландии. И вел себя очень хорошо, правда? – Он повернулся к своему дедушке. – И мне подарят щенка, если я буду хорошо вести себя в Лондоне.

Его легкий шотландский акцент звучал причудливо. Ратлидж искал приветливые слова и не находил их.

– Конечно, подарят, – сказал Тревор, нарушив неловкую паузу. Когда они повернулись, чтобы идти, он добавил: – Мы остановимся в твоей квартире или в доме Франс?

Облегчение от того, что первая встреча прошла достаточно хорошо, было почти невыносимым. Визит обещал быть удачным. Ничего не было сказано о недавнем прошлом и о том, кто остался дома, хотя Мораг прислала ему пирог, который испекла для него на Рождество в надежде, что он все-таки приедет на север.

– Она сказала, что он порядком зачерствел, – предупредил Тревор, – но это не ее вина, а твоя.

Ратлидж с извинениями принял пирог, пообещав прислать что-нибудь экономке Тревора.

Он понимал, что Тревор специально не говорит, что Мораг предпочла бы видеть его самого, что она не становится моложе, но по-прежнему его любит. Эти мысли были в глазах Тревора.

Когда Ратлидж, устроив своего крестного у Франс, прибыл в Ярл, терпеливый сержант Биггин ждал в его кабинете. При виде Ратлиджа он поднялся и пожелал ему доброго утра.

– Есть новости? – спросил Ратлидж. – Хорошие или плохие?

– Скорее плохие, – ответил Биггин. – Мы бы хотели, чтобы вы поехали с нами, сэр, и взглянули на то, что мы нашли у старьевщика возле Ковент-Гардена. Это похоже на одежду мистера Теллера. Констебль не упускает старьевщика из виду.

– Сейчас поеду, – сказал Ратлидж и направился к своей машине. Когда они свернули к Ковент-Гардену, он спросил: – Одежда выглядит поврежденной? Порванной? Со смытыми пятнами крови?

– Нет, сэр, она кажется только испачканной от толкания тачки по мокрым улицам. Но это было видно на расстоянии.

Они нашли место, где оставить машину, и прошли остаток пути пешком. Ковент-Гарден был спокоен – бурная жизнь фруктового и продуктового рынка на площади уже прекратилась. Только уборщики вычищали остатки мусора и сплетничали друг с другом – их голоса громко звучали в тишине после утренней суеты. Оперный театр выглядел как огромный корабль, приставший к незнакомому берегу.

Сержант Биггин нашел своего констебля на углу улицы, стоящего спиной к табачной лавке. Он кивнул Биггину и поздоровался с Ратлиджем:

– Доброе утро, сэр. Старьевщик в той чайной. Его тачка стоит снаружи – вон та, с красными ручками.

– Он видел вас? – спросил Ратлидж. Тачка не являлась уликой, в отличие от одежды.

– Не думаю, сэр. Погодите, дверь чайной открывается...

Они наблюдали, как массивный человек вышел наружу, но вместо светлого костюма, в котором, по словам Дженни Теллер, ее муж прибыл в клинику и, вероятно, ушел оттуда, на нем были комбинезон, сапоги и плоская фуражка.

– Черт! – мрачно выругался констебль. – Прошу прощения, сэр, но это он, старьевщик. Однако где его одежда?

– Он только что продал ее кому-то. Пошли! – Ратлидж быстро зашагал по улице к чайной.

Старьевщик поднял взгляд и насторожился, заметив приближающихся к нему констебля, сержанта и мужчину в штатском.

Они видели, как менялось выражение его лица – сначала тревога, потом раздумье: бежать или оставаться на месте. Учитывая численность противника, он предпочел остаться.

– Доброе утро, – поздоровался Биггин.

Старьевщик промолчал.

– Мне сказали, что сегодня, раньше, вы носили другую одежду, – продолжал Биггин. – Мы бы хотели взглянуть на нее.

Они понимали, что старьевщик мысленно взвешивает прибыль и неприятности с полицией. В итоге он выбрал промежуточный курс.

– Что дурного, если честный человек заработал на старой одежде, оказавшейся в его распоряжении? – ворчливо осведомился старьевщик.

– Ничего, – ответил Биггин. – Кроме того, что она не старая и нас интересует джентльмен, который носил ее раньше.

– О нем я ничего не знаю. Я нашел костюм, сложенный в аккуратную стопку, у реки, возле Тауэрского моста, поболтался немного рядом на случай, если кто-нибудь придет за ним, а потом решил, что дареному коню в зубы не смотрят.

Интересно, заметил Ратлидж, что старьевщик точно знал, какую одежду ищет полиция. Это был неожиданный дар, стоящий столько, сколько он мог бы заработать за недели, продавая

старую одежду, обувь и шляпы. Старьевщик ничего не отрицал и не изображал неведение. Возможно, он говорил правду.

– И где этот костюм теперь? – спросил Биггин.

– Я продал его одному типу в чайной, – нехотя ответил старьевщик. – Он сказал, что ему нравится покроя.

Констебль уже открыл дверь и исчез внутри. Вскоре он вернулся вместе с известным карманником Сэмми Андервудом, складно говорящим мужчиной лет сорока пяти, который в костюме Теллера мог сойти за джентльмена. Ратлидж видел его на скачках якшающимся с богатыми посетителями.

Андервуд потребовал собственное облачение в обмен на одежду Теллера. Получив ее, он быстро смылся, прежде чем полиция заинтересовалась его деятельностью.

Они говорили со старьевщиком еще четверть часа, и тот заявил, что не нашел ботинок или шляпы вместе с пиджаком, рубашкой и брюками.

Сержант Биггин повернулся к Ратлиджу:

– Человек не прыгает в реку в шляпе и ботинках.

– Их могли забрать, прежде чем старьевщик нашел остальное.

Ратлидж кратко обследовал одежду. Ярлыки были удалены.

– Их не было, когда я нашел костюм, – быстро сказал старьевщик. – Клянусь вам.

Ратлидж был склонен ему верить, хотя сержант пребывал в сомнении. Но если не старьевщик, то кто срезал ярлыки? Кто-то, намеревающийся пустить пыль в глаза полиции? Но если бы не бдительность констебля, костюм исчез бы на задворках Восточного Лондона, чтобы никогда не появиться снова.

«В другой одежде человека найти нелегко», – сказал Хэмиш.

Возможно, чтобы выиграть время. Или для путешествия.

В конце концов старьевщик лишился своей находки, и Ратлидж, похвалив констебля за верный глаз, удалился, держа под мышкой коробку, содержащую то, что казалось одеждой Уолтера Теллера.

Он направился напрямиком на Бонд-стрит и стал ходить взад-вперед, заглядывая в витрины. Наконец Ратлидж увидел то, что искал. Ателье «Грантуэлл и сыновья» специализировалось на одежде для мужчин, которые проводят большую часть времени в деревне. На красивом стуле в витрине висел мужской костюм такого же размера и покроя.

В этот час в ателье было немного народу, и Ратлидж заручился вниманием владельца. Вешалки с прекрасной тканью, подносы с пуговицами и воротничками и ряды шляп указывали на клиентуру со средствами и вкусом. Сэмми Андервуд совершил выгодную сделку.

Мистер Грантуэлл сразу узнал свою работу, хотя пожалел о ее состоянии и отсутствии ярлыков. Справившись в книге клиентов с ее диаграммами, списками и данными измерений, он идентифицировал владельца одежды.

– Могу я осведомиться, почему вы принесли это мне? – спросил он. – Означает ли это, что мистеру Уолтеру Теллеру был причинен какой-то вред?

– Мы не говорили с мистером Теллером. Одежду обнаружили у старьевщика, и теперь мы пытаемся выяснить, кому она принадлежала и как попала к нему в руки, – ответил Ратлидж.

Это была правда, и мистер Грантуэлл мог думать о ней что хочет.

Портной кивнул.

– Это объясняет состояние одежды. Должен сказать, я всегда восхищался мистером Теллером, – продолжал он. – В своей книге он впечатляюще описал свою миссионерскую деятельность. Это потрясающе. Привыкнув к жизни джентльмена, он стойко выносил трудности и лишения. Благодаря воспитанию ему хватило духовных ресурсов.

Ратлидж был удивлен замечанием Грантуэлла. Дженни Теллер также упоминала ужасные условия работы ее мужа, но с полицейской точки зрения Ратлидж рассматривал их как воз-

можную причину исчезновения Теллера: события могли преследовать его спустя годы. Но он мог видеть и другую точку зрения, а именно – если Уолтер Теллер исчез намеренно, то был бы лучше многих подготовлен к абсолютно другому образу жизни. Он бы исчез на лондонской сцене не как Уолтер Теллер, джентльмен, а как обычный уличный бродяга, незаметный для полицейских глаз. И первым шагом было бы изменение внешности, включая избавление от одежды, по которой его можно было опознать.

«Если ты прав, то он не вернется», – сказал ему долго молчавший Хэмиш.

– Мой отец, – говорил Грантуэлл, – имел удовольствие обслуживать отца мистера Теллера, и я бы хотел надеется, что со временем мы будем обслуживать юного мастера Гарри.

Очевидно, он ловко выуживал информацию.

Ратлиджу пришло в голову, что портной человека знает о нем столько же, сколько его слуги, собирая пикантные новости во время сеансов примерок или заказов ткани. Военная служба, похороны, свадьба, крещение, езда верхом, уик-энд в деревне, прием во дворце или день в Аскоте. Его собственный портной, заботясь о затравленном долговязом человеке, который пришел к нему в ателье год назад заказать новые костюмы для возвращения в Ярд, спрашивал, хорошо ли заживают его раны и предстоит ли ему в ближайшем будущем счастливое событие...

Ратлидж не мог рассказать ему правду – слова отказывались формироваться у него в голове, поэтому он пробормотал, что дата еще не установлена, и едва слушал то, что портной болтал о свадьбе своего сына зимой.

– Братья мистера Теллера тоже среди ваших клиентов? – спросил Ратлидж.

– Да. Мистер Эдвин Теллер всегда был слаб здоровьем, но во время войны, как мне говорили, успешно работал в Адмиралтействе. Он много лет проектировал корабли и часто ездил в Шотландию наблюдать за их сооружением. Ему был выделен личный железнодорожный вагон. Капитан Теллер был серьезно ранен за несколько месяцев до перемирия. Насколько я понимаю, были опасения, что он никогда не сможет ходить.

Дверь ателье открылась, и вошел пожилой мужчина. Клерк поспешил приветствовать его, а мистер Грантуэлл сказал Ратлиджу:

– Я могу еще вам чем-нибудь помочь? Мой следующий клиент... – Он не договорил, но Ратлидж понял намек, поблагодарил его и удалился.

Теперь предстоял неприятный долг показать одежду миссис Теллер для подтверждения слов портного, что она принадлежала ее мужу.

Оставив сержанта с коробкой, Ратлидж заглянул вначале в палату Теллера, а затем направился в кабинет старшей медсестры.

Там он нашел Дженни Теллер, разговаривающую с какой-то парой. Атмосфера неожиданно оказалась напряженной. Когда Ратлидж открыл дверь, он поймал мимолетное облегчение на лице Дженни, как если бы она была рада перерыву.

Затем выражение ее лица вновь стало тревожным, когда она увидела, что это Ратлидж, а не кто-то из персонала старшей медсестры.

– Есть новости? – быстро спросила Дженни.

– Мы не нашли вашего мужа, – ответил Ратлидж.

Дженни кивнула. Она начала справляться с эмоциями. Исчезновение мужа после его таинственной болезни страшно потрясло ее, но теперь Ратлидж видел в ее лице силу и решимость.

Дженни повернулась, чтобы представить своих спутников:

– Мой деверь Эдвин Теллер и его жена Эйми.

Эйми Теллер шагнула вперед с протянутой рукой.

– Да, Дженни как раз рассказывала нам, что Ярд присоединился к поискам. Мы очень признательны.

Жена Эдвина удивила Ратлиджа. Она была хорошо одета, с ясными смысленными глазами и хорошими манерами. Но за всем этим крылось нечто говорящее о беспокойстве и бессонной ночи.

Эдвин, бледный и усталый, был красивым мужчиной с эдвардианской⁴ бородой. Он поднялся, чтобы приветствовать Ратлиджа.

– Мы сами только что вернулись с поисков. Боюсь, нам не повезло. Я надеялся... – Эдвин красноречиво пожал плечами, не желая оканчивать фразу в присутствии жены Уолтера.

– Могу я узнать, где вы искали своего брата? – осведомился Ратлидж.

– Мы только вернулись, – ответила за мужа Эйми. – Я думала, он поехал домой в Эссекс. Знаю, Дженни с этим не согласна, но я решила проверить. Эдвин и Питер ездили в Кембридж на случай, если Уолтер отправился туда повидать кого-то. Эдвин вроде бы припоминал, как Уолтер говорил, что в Кембридж отправился его коллега.

– Я этого не знала, – сказала Дженни. – Речь идет о Перси? Я думала, он вернулся в Нортамберленд.

– Как выяснилось, Перси поехал в Кембридж на лето, – сообщила ей Эйми. – Его не было дома, когда заходил Эдвин, – он встречался с кем-то в колледже.

– Мой брат был тяжело ранен на войне и все еще поправляется, – объяснил Ратлиджу Эдвин. – Он составил мне компанию.

Это было излишнее толкование, и Эйми быстро заговорила, чтобы его скрыть. Она отвечала за мужа так, словно не была уверена, что он знает свои реплики наизусть.

– Сюзанна – жена Питера, инспектор, – поехала в Корнуолл, куда семья часто отправлялась на каникулы. А Летиция, сестра Эдвина, была в Портсмуте на случай, если Уолтер мог... – она неуверенно посмотрела на Дженни, – если он поехал туда, думая, будто возвращается к работе.

– Мы не нашли его, – сказал Эдвин, – но это было лучше, чем сидеть и ждать, пока полиция выберется за пределы Лондона. И нам могло повезти. – Он говорил агрессивным тоном, но улыбнулся Дженни и добавил: – Мы могли положиться на Дженни в клинике, если полиции что-нибудь понадобится.

Дженни переводила взгляд с одного на другую.

– Портсмут был тратой времени, – сказала она. – Летиции следовало оставаться здесь. Уолтер не уехал бы так далеко, не сообщив мне. Он не оставил бы Гарри, как бы ни был болен.

– Вы точно знаете, что он не пытался контактировать с сыном? – спросил Ратлидж.

– Ну... нет. Мэри сообщила бы, если бы было иначе, – ответил Эдвин.

– Вам нужно было информировать полицию, прежде чем покидать Лондон, – сказал им Ратлидж. – Это принесло бы пользу.

– Тогда это не было делом Ярда, – отозвалась Эйми. – И есть еще кое-что. Дженни говорила нам, что полиция наблюдает за рекой. Лучше бы они обыскивали город. Никто из нас не может поверить, что Уолтер решил покончить с собой.

– Не думаю, – заметил Ратлидж, – что любой из нас может сказать с уверенностью, что было в голове у Теллера, когда он покидал клинику.

– Я говорила вам, – упрямо заявила Дженни. – Уолтер не стал бы убивать себя.

– Должен напомнить, миссис Теллер, что его не видели несколько дней. Он не контактировал с вами и не возвращался в клинику. Семья вашего мужа, кажется, считает, что он покинул Лондон почти сразу же. Я хотел бы знать, почему они так уверены в этом.

– Потому что мы знаем его, – ответил Эдвин. – Потому что он наш брат.

– И вы верите, что он стал бы посещать колледж или дом, где в детстве проводил каникулы, как только пришел в себя?

⁴ То есть с бородой в стиле короля Эдуарда VII (1841–1910, на троне с 1901 г.).

– Не говорите глупости, – резко сказал Эдвин. – Мы вовсе в это не верим. Просто... мы хватаемся за соломинку. Первый день мы просто ездили по Лондону в поисках брата, а потом стали думать, куда он мог отправиться, если захотел с кем-то поговорить или вспомнить счастливые детские годы.

– Значит, вы думаете, что он не полностью вылечился?

– Не знаю, черт возьми! Вы полицейский – что думаете вы?

– Мы располагаем только косвенными уликами. Он смог уйти из клиники, смог самостоятельно одеться, не прибегая к чьей-либо помощи. Это свидетельствует об определенных способностях мыслить наперед. Он выбрал время, когда там не было никого, кто бы остановил его и стал задавать вопросы. Следовательно, он знал, куда хотел идти и почему, хотя, возможно, это не согласуется с вашим мнением. Далее. Вы, мистер Теллер, не находились здесь, меряя шагами пол; ваша сестра не кинулась сюда, требуя у персонала и полиции что-то немедленно предпринять. Понимаете ли, так обычно бывает. Но вместо этого, семья покидает Лондон в почти недостойной спешке. Миссис Теллер, неспособной связаться с кем-нибудь из вас, пришлось полагаться на себя. Интересно, что было у вас на уме, что одержало верх над всеми другими соображениями? И не говорите мне снова о старых друзьях и детских каникулах.

Боулс убеждал Ратлиджа деликатно обращаться с семьей Теллер. Но если они утаивали информацию, он должен был это знать.

– Я не желаю этого слушать, – сказал Эдвин, поднимаясь.

– Единственная альтернатива, сэр, – промолвил Ратлидж, – что кто-то пришел сюда за вашим братом и уговорил его уйти из клиники.

Испуг на лице Эдвина Теллера был не меньше, чем на лице его жены. Ратлидж не мог определить, согласны ли они с такой возможностью или потрясены ею. Но он был почти уверен, что это никогда не приходило им в голову.

– Чепуха, – заявила Дженни. – Не хочу слушать глупости. Нам нужно сосредоточиться на самом важном – поисках Уолтера.

– Есть и другой момент, которому следует уделить внимание. – Ратлидж повернулся к ней. – Дайте мне минуту.

Он вышел, чтобы найти сержанта Биггина и взять у него коробку.

Вернувшись в комнату, Ратлидж подошел к столу и аккуратно поставил коробку на полированную поверхность.

Взгляд Дженни не отрывался от коробки с тех пор, как Ратлидж вошел в комнату со своей ношей. Казалось, она предчувствует то, что находится внутри.

Ратлидж молча снял крышку.

Сначала ему показалось, что Дженни упадет в обморок, и он подошел поддержать ее, но она покачала головой и решительно заглянула в коробку. Эдвин последовал за ней, а Эйми посмотрела ему через плечо.

Одного взгляда было достаточно. Глаза Дженни устремились на лицо Ратлиджа, потом она протянула руку и погладила ткань пиджака мужа.

– Он не очень чистый, – начала она и умолкла, словно боясь услышать почему.

– Я должен просить вас произвести формальное опознание одежды. Если хотите, я вытащу каждый предмет и покажу вам.

– В этом нет надобности, – хрипло произнесла она. – Это вещи Уолтера.

Но Ратлидж поднял пиджак, рубашку, брюки и галстук.

– А где его ботинки и носки? – спросила Дженни.

– Пока мы не нашли их.

– Откуда эта одежда? – подала голос Эйми, придвигаясь к Дженни и беря ее под руку. – Как вы ее нашли?

– Одежда была в распоряжении старьевщика около Ковент-Гардена. Он заявляет – простите, но я должен сообщить вам это, – что нашел ее аккуратно сложенной у реки неподалеку от Тауэрского моста. Но там не было ни нижнего белья, ни бумажника. Это может означать одно из двух: что мистер Теллер жив и все еще носит их либо что их забрали или бросили в реку, чтобы заставить нас долго разгадывать, что с ним произошло.

– Нет, это невозможно! – воскликнула Эйми. – Это трюк. Уолтер нас разыгрывает. – Ее желание быть полезной сменил гнев.

Ратлидж удивленно повернулся к ней:

– Почему вы думаете, что это трюк?

– Это... это напрашивается само собой! Уолтер не покончил с собой – он только хочет, чтобы мы так думали. Поэтому мы прекращаем поиски. – Она казалась очень расстроенной. – Покажите мне его тело, и тогда я поверю вам.

– Эйми... – начала Дженни.

Но Эйми отвернулась.

– Не обращайтесь на меня внимания, – сказала она. – Я просто устала.

Эдвин молчал, уставясь на одежду, как будто ожидал, что она заговорит и даст объяснения. Потом он сказал Ратлиджу:

– Положите эти вещи назад в коробку, где мы не сможем их видеть. Вы сделали свое дело.

Глава 11

Когда Ратлидж укладывал одежду в коробку, Дженни Теллер задумчиво промолвила:

– Здание миссии в Западной Африке находилось у реки. Помню, Уолтер говорил нам, что не мог носить там свою английскую одежду – сырость уничтожала все. Поэтому он складывал ее в жестяную коробку и оставлял дома. Сейчас у него не было жестяной коробки, но он оставил свою одежду, как привык делать.

– Не надо, Дженни, – сказал Эдвин.

– Нет, я думаю, это правда. Странно, но это утешает, – значит, он еще жив. Я с самого начала так говорила.

Эдвин выругался сквозь зубы и бросил взгляд на жену. Она наблюдала за Дженни с мукой в глазах.

Ратлидж закрыл крышку коробки.

– Мы не знаем, во что мистер Теллер может быть одет теперь, – предупредил он их. – Поиски становятся все более трудными.

– Я понимаю. – Дженни вздохнула. – Он вернется, когда будет готов.

Ратлидж был на полпути к двери, когда Дженни окликнула его:

– Мне нужно сказать вам кое-что еще. Я не говорила вам раньше. Это очень... личное, а Уолтер всегда был очень скрытным человеком.

Ратлидж повернулся в ожидании.

– Старшая медсестра очень любезно поставила для меня кровать в палате мужа, чтобы я могла оставаться с ним. В ночь перед его исчезновением я проснулась, так как услышала, что он разговаривает. Это было всего лишь бормотание – я не могла разобрать слова и сначала подумала, что он просто говорит во сне. Но потом я вспомнила другой раз, когда он делал то же самое. Это было, когда Уолтер писал свою книгу. Он дошел до главы, которая его беспокоила, и отложил работу над ней. Но я сказала ему, что он должен просто писать – знаете, как садиться на лошадь снова, когда она вас сбросила. Возможно, это был бы не лучший кусок текста, но это положило бы начало, а после окончания работы он мог заново переписать главу. Уолтер так и поступил. И той ночью я слышала, как он говорил сам с собой. Или с кем-то. Я никогда точно не знала, что это было.

– И вы думаете, здесь есть связь?

– Да. Я думаю, Уолтер принял решение вернуться к миссионерству. Должно быть, он чувствовал, что оставил что-то несделанным, но не знал, как сообщить об этом мне. Эдвин и Питер, очевидно, догадались, поэтому отправились на поиски.

В коридоре Ратлидж встретил старшую медсестру, направляющуюся к нему.

– Нет новостей? – спросила она.

– Боюсь, что нет.

– Могу я узнать, что вы обнаружили?

– Мы нашли одежду мистера Теллера. Я принес ее миссис Теллер для опознания.

– Но вы еще не уверены, что он мертв? – помолчав, осведомилась старшая медсестра. – Вы не нашли самого мистера Теллера?

– Нет. Как я только что объяснил его семье, если он носит другую одежду, это затруднит поиски. И мы не знаем, какие другие изменения он произвел. Если только находка одежды у реки не указывает на то, что он покончил с собой.

– Думаю, он хотел умереть, когда находился здесь. Но хотеть чего-то и иметь возможность этого добиться – две разные вещи. – Она посмотрела в коридор, откуда пришла. – Должна

признаться, у меня было очень странное чувство, что мистер Теллер потерял веру. Возможно, ее он с таким трудом пытается найти.

– Его жена чувствует, что он принял решение вернуться к миссионерской работе.

– Возможно, именно по этой причине, – сказала старшая медсестра и удалилась.

Ратлидж смотрел ей вслед, обдумывая ее слова. Он повернулся, чтобы уйти, когда едва не столкнулся с хорошо одетым мужчиной, который только что вышел из кабинета врача, толкая впереди себя инвалидную коляску. Сидевшая в ней женщина, закутанная в шаль, улыбнулась Ратлиджу – ее худое, истощенное болезнью лицо все еще было добродушным и привлекательным. Он улыбнулся в ответ и придержал дверь для мужчины.

Из клиники Ратлидж поехал прямо на Болингброк-стрит, намереваясь поговорить с капитаном Теллером, прежде чем Эдвин или его жена смогут описать ему их разговор.

«Ты веришь тому, что жена твоего миссионера сказала тебе?» – спросил Хэмиш.

– Это может быть правдой. И многое бы объяснило. Например, почему Теллер так стремился отправить сына в Хэрроу.

«Но зачем забирать мальчика у матери в такое время?»

В этом и была загвоздка.

Пожалуй, стоило поговорить с семейными поверенными.

Дом на Болингброк-стрит стоял на углу. Ветви деревьев свешивались над высокой оградой сада.

Когда Ратлидж постучал в дверь, горничная сказала ему, что капитан Теллер в саду.

Идя к кабинету, где французские окна выходили в сад, Ратлидж обратил внимание на то, что дом со вкусом и недешево декорирован. На стенах висели два или три пейзажа голландской школы и портрет женщины в белом платье с голубыми рукавами и лентами. Она принадлежала к другому поколению и была одета для бала, но ее поза и умные голубые глаза свидетельствовали о юморе и интеллекте. В уголках ее рта застыла полуулыбка.

Выйдя на террасу, Ратлидж увидел Питера Теллера, сидящего на стуле у маленького пруда, положив левую ногу на подушку.

У капитана Теллера были более сильные черты лица, чем на фотографии его брата, которую Ратлидж все еще носил с собой. На его висках уже виднелась седина, а серо-голубые глаза были налиты кровью.

Ибо капитан был сильно пьян.

– Кто вы? – осведомился он. – Я говорил Айрис, что меня сегодня нет дома.

– Инспектор Ратлидж, Скотленд-Ярд. Я расследую исчезновение вашего брата.

– Вот как? Ну, надеюсь, вам повезет больше, чем нам. Есть новости?

– Ничего многообещающего.

Когда Ратлидж пересек лужайку, Теллер указал на стул против него.

– Садитесь. У меня напрягается спина, когда мне приходится смотреть на вас.

Ратлидж повиновался.

– Обычно я не пью в это время, – продолжал Теллер. – Но последние три дня были сущим адом. Иногда лекарства не могут снять боль. Я бы чувствовал себя лучше, если бы позволил врачам ампутировать чертову ногу, когда они этого хотели.

– И больше ничем нельзя помочь? – с сочувствием спросил Ратлидж.

– Врачи умыли руки. После двух или трех операций и бесконечных сеансов массажа, прогревания и тому подобного они не в состоянии придумать, что еще можно сделать. Говорят, что мне повезло. Теперешние методы лечения не существовали в прошлом. Ногу отрезали, и человек отправлялся домой на костылях или деревяшке. Но думаю, вы пришли не обсуждать мою ногу.

– Я надеюсь, что вы можете пролить какой-то свет на исчезновение вашего брата, а если нет, то на его душевное состояние во время вашей последней встречи.

Некоторое время Питер Теллер молчал.

– Его душевное состояние, когда я последний раз беседовал с ним, можно определить как «обеспокоенность», – наконец заговорил он. – Я обратил на это внимание моего брата Эдвина. Казалось, Уолтер потерял волю к жизни. Думаю, причина была в страхе остаться парализованным до конца дней. И я не могу порицать его за это. Врачи делали все. Честно говоря, они сами не знали, что надо делать. Полагаю, они пришли к выводу о неизвестной болезни или потере рассудка.

– Вы, случайно, не знакомы с его завещанием?

– Завещанием? Будь я проклят, если знаком. Думаю, обычные мелкие суммы отойдут Молли, его экономке, и церкви, а остальное Дженни по доверенности для Гарри. – Он нахмурился. – Вы считаете, нам следует подготовиться?..

– Мы нашли одежду вашего брата сегодня рано утром у старьевщика, который заявил, что обнаружил ее аккуратно сложенной у реки к югу от Тауэра.

– Господи! – воскликнул Питер. – Этот человек говорит правду? Или вы думаете, с Уолтером что-то случилось? Вы говорили с Эдвином? Что он сказал?

– Мы не знаем, что и думать, – ответил Ратлидж. – Вот почему я здесь. По какой причине ваш брат ушел из клиники, не сказав никому ни слова? Почему он не предпринял усилий сообщить жене, что он жив и здоров? Его брак был счастливым? Или нет?

– Я... у меня нет ответа. Были разногласия по поводу будущего Гарри, но их, безусловно, смогли бы уладить. По-моему, Уолтер был не прав, но Дженни есть Дженни – она будет сердиться какое-то время, а потом найдет способ все утрясти.

– Куда вы отправились на поиски вашего брата, покинув Лондон?

– Куда? – Мгновение Питер Теллер казался растерянным. – Разве Эдвин не рассказал вам?

– Я предпочел бы услышать вашу версию событий.

– Черт возьми, мне нечего добавить к тому, что он сказал! Мы искали старого друга Уолтера, но он покинул Кембридж и переехал в Шотландию. Это была охота за тенью.

Что не вполне соответствовало рассказу Эйми Теллер.

– Не могли бы вы дать мне адреса поверенных Уолтера? Я бы хотел поговорить с ними.

Питер Теллер так резко дернулся, что сбросил со стола стакан и выругался, – внезапное движение вызвало боль в спине.

– Насколько нам известно, Уолтер еще жив. Думаю, не годится читать его завещание до смерти. Я же сказал вам, что, по-моему, оно абсолютно ясное. Когда вы найдете его тело, приходите ко мне, и я сообщу вам название фирмы.

Больше ничего нельзя было вытянуть из Питера Теллера. Ратлидж поблагодарил его и удалился.

Проходя через дом, он столкнулся с привлекательной молодой женщиной с волосами цвета меда и темно-кариыми глазами.

– О... я не знала, что у нас гости, – вздрогнув, сказала она.

Ратлидж извинился и назвал себя.

– Скотленд-Ярд? – Ее взгляд переместился на коридор позади него. – Вы... говорили с моим мужем?

Значит, это была Сюзанна Теллер.

– Я только что из сада, – сказал Ратлидж.

– Он... немного выпил, – объяснила она. – Надеюсь, вы это учтете, обдумывая его слова.

Интересно, что, по ее мнению, мог сказать ее муж?

– Если вы не возражаете, я бы хотел задать вам те же вопросы. Мне поручили поиски вашего деверя. Очевидно, вы ездили в Корнуолл на случай, что он может оказаться там.

– Это едва ли было бы случайностью. У его семьи был летний коттедж к северу от Сент-Айвза, и они часто проводили там каникулы. Коттедж продали после смерти отца Уолтера, но он мог не помнить этого и искать там спокойного убежища.

– Почему? Зачем причинять беспокойство его жене? Если он поправился, почему не взять ее с собой?

Сюзанна наблюдала за его лицом.

– Мы пытались догадаться, куда он мог отправиться, – вот и все. Корнуолл был местом счастливых воспоминаний.

– Что бы вы сделали, найдя его в Корнуолле не в себе и неспособным к общению?

– Я... вряд ли учитывала такую возможность. Я думала, он был бы благодарен и вернулся со мной без суеты.

Ратлидж не стал возражать. Какие бы мотивы ни имела семья Теллер для самостоятельных поисков, они не собирались сообщать их полиции. Пока Уолтера Теллера не нашли мертвым, переубедить его семью было невозможно.

– У Теллера случались в прошлом подобные исчезновения?

– Господи, конечно нет! И он никогда так не болел, исключая его приступы малярии. Потому что это и было так тревожно.

«Было», а не «есть».

Как если бы разгадка уже была им известна.

– Сегодня рано утром полиция нашла одежду Теллера у человека, который утверждает, что обнаружил ее на берегу Темзы.

– Но он не мог... – Она оборвала фразу. – Надеюсь, вы не верите, что Уолтер утопился?

– Миссис Теллер, человек исчез на несколько дней. Половина Лондона его разыскивает и нигде не находит. Самоубийство остается возможной версией.

Ратлидж поблагодарил Сюзанну и откланялся. Но его не покидало чувство, что карты показывали не слишком удачный день для семьи Теллер.

Утро было длинным. Ратлидж передумал ехать в Ярл и вместо этого свернул к дому Франс.

Ратлидж провел столько времени, сколько мог, со своим крестным. В течение дня Тревор развлекал мальчика лебедями в Сент-Джеймс-парке, воронами в Тауэре и жирафами в зоосаду Риджент-парка. А вечерами, когда ребенка укладывали спать, двое мужчин сидели в саду, разговаривая, как они часто делали до войны.

Тревор был прекрасным архитектором, но смерть сына отправила его на покой.

– Помню, – сказал он однажды вечером, – как твои родители жили в этом доме и какие вечеринки они устраивали. Ничего изощренного, но мы всегда ими наслаждались. Иногда твоя мать сидела в гостиной и играла на рояле, покуда твой отец и я пили бренди после обеда. Она была превосходной пианисткой. Твой отец ею гордился.

– Я помню ее игру, – кивнул Ратлидж. – Хотелось бы, чтобы Франс пользовалась роялем время от времени. Но он годами стоит закрытым.

– Да. – Тревор вздохнул. – Расскажи мне о Франс. Она не замужем. Был кто-нибудь в поле зрения?

– Я всегда думал, что Франс выйдет за Росса. Но она полюбила кого-то другого. Из этого ничего не вышло и не могло выйти. Позже еще один мужчина привлек ее внимание. Я полагал, что Франс влюблена в него. Но она не упоминает о нем уже несколько недель.

– А как насчет тебя?

Ратлидж неловко заерзал на стуле.

– Вряд ли я достаточно излечился от войны, чтобы думать о женитьбе.

– Неужели ты все еще горюешь по Джин?

Ратлидж отвернулся, глядя на сумерки, переходящие в вечер.

– Нет. Я горюю по ней, но не из-за любви, а из-за печали, что ее жизнь не была наполнена счастьем, которого она искала так упорно.

– Да, война многому положила конец. Я помню царствование короля Эдуарда и думаю, что мы пребывали в блаженном неведении относительно грядущего. Хотя были разговоры об амбициях кайзера, никто не принимал их всерьез. Я помню эти дни, как залитые солнечным светом и не омраченные тенями.

– Очевидно, половина Британии чувствует то же самое, – отозвался Ратлидж.

Они засмеялись в темноте.

– Я что-то пропустила? – сказала Франс, шагнув в сад.

Тревор протянул руку.

– Мы тосковали по прошлому – знак, что мы стареем. Подойди и сядь рядом со мной. Какое время мы выберем на завтра для поездки в Кент?

Она ответила, присоединившись к ним.

В голове у Ратлиджа Хэмиш произнес с шотландским акцентом: «А послезавтра они уезжают. Ты не рад этому?»

Ратлидж чувствовал, что нет.

Глава 12

Следующим утром констебль Эванс нашел Ратлиджа в доме его сестры, когда он провожал своего крестного и Франс на экскурсию в Кент с целью посетить Мелинду Крофорд. Они пытались уговорить Ратлиджа присоединиться к ним, когда появился Эванс.

Ратлидж не возражал уклониться от поездки, поэтому напоминание о неотложном деле в Ярде было своевременным. Хотя он очень любил Мелинду, ему было бы не по себе в компании трех человек, которые знали его слишком хорошо. Мелинда, пережившая бойню в Лукноу во время великого мятежа в Индии, знала больше многих о шрамах, которые может нести с собой война, и Ратлидж старался избегать ее вопросов о тенях под его глазами и худобе – следствии напряжения и бессонных ночей.

Ожидая свежей информации об Уолтере Теллере, Ратлидж прошел в свой кабинет и вызвал сержанта Гибсона.

– Эванс сказал, что дело срочное. Что у вас есть для меня?

– Эванса за вами послал старший суперинтендент. Вы лучше выслушайте его.

Пройдя по коридору, Ратлидж нашел Боулса в его кабинете. Увидев инспектора в дверях, Боулс раздраженно осведомился:

– Что вас задержало?

– Простите, сэр. Я приехал так быстро, как только мог.

– Еще одного человека ударили ножом. Вы вполне уверены, что больше ничего не можете рассказать нам о парне, которого вы называли Билли?

– Я видел его всего несколько минут. Кто жертва на этот раз?

– В том-то и неприятность. Это секретарь члена парламента, который вышел из здания и прогуливался по набережной Виктории, чтобы прочистить мозги. Его фамилия Байнам. Из-за этого поднимется жуткий крик. Если бы вы задержали юного ублюдка, мы бы не столкнулись с гневом парламента. И нет никакого прогресса в деле Теллера. Что вы делали все это время?

– Я переговорил со всеми, кроме его сестры, Летиции Теллер. Сегодня я планировал съездить в Саффолк.

– Сначала разберитесь в этой истории с ударом ножом. Возможно, вы что-нибудь узнаете от единственного свидетеля. Что касается Теллеров, поосторожнее с ними. Я не хочу видеть их жалующимися на вас. Понятно?

– Да, сэр. Но я чувствую, что у этого дела не будет счастливой развязки. Если мы найдем Теллера живым, то, возможно, в худшем состоянии, чем он был в больнице.

– Тогда чем скорее вы его найдете, тем лучше.

К тому времени, когда Ратлидж прибыл на набережную Виктории, тело уже забрали, но полиция еще прочесывала район. Сержанта Уокера поздоровался с Ратлиджем и сказал:

– Мы не знаем, почему нападавший прятался на этой стороне моста, сэр. Едва ли он мог рассчитывать найти жертву в такое время ночи, а так как в это время года светает рано, его бы наверняка заметили.

«Он искал тебя», – тихо сказал Хэмиш.

Ратлидж едва не ответил ему вслух.

«Почему?» – молча осведомился он.

«Потому что ты видел его лицо».

Но Ратлидж не был уверен, что согласен.

– Куда он пошел? – обратился он к Уокеру. – Ваш свидетель видел это?

– Назад через мост, сэр.

– Тогда это, вероятно, тот человек, с которым встретился я.

– Понимаю, сэр. Было несколько ограблений с использованием ножа. Вам говорили об этом в Ярде? Но в большинстве случаев жертва отдавала деньги без борьбы, и ей велели считать до ста, прежде чем поворачиваться. Большинство так и поступало, и конечно, грабитель исчезал, когда жертва смотрела ему вслед. Мы думаем, это он убил мистера Байнама. – Уокер покачал головой. – Печально, не так ли? Он вышел только глотнуть свежего воздуха, потому что его пиджак и бумажник оставались в кабинете. Ему нечего было отдать убийце.

– Мне говорили о еще одном ограблении, закончившемся смертью. И это произошло на Вестминстерском мосту. Где происходили другие случаи?

– В основном на южном берегу реки, сэр. Он предпочитал не рисковать. Но на этой стороне моста кошелек толще. Пока что он заполучил не больше сорока фунтов.

– Он слишком молод, чтобы иметь семью, которую надо кормить. Возможно, у него есть младшие братья и сестры.

– Об этом, сэр, мы можем только догадываться. Но он убил уже дважды.

Один из констеблей, шаривший на дорожке, поднял взгляд и позвал:

– Сюда, сэр!

Уокер и Ратлидж поспешили к нему.

– Пуговица от мужского пиджака, сэр, – сказал он.

– Любой, проходивший здесь, мог потерять ее, – ответил ему сержант. – Но мы возьмем ее на всякий случай.

Ратлидж взял из руки констебля пуговицу. Она была обычной, темно-коричневой, с четырьмя дырочками, от пиджака, как сказал констебль. Вспоминая ящики с выбором пуговиц в ателье, он заметил:

– Вы правы. Будет трудно что-нибудь доказать, но, может быть, нам повезет.

По реке скользила лодка, и над водой послышался взрыв смеха.

– Где свидетель, о котором вы говорили?

– Констебль отвел его перекусить. Он выглядел голодным.

– Как много он видел?

– Он говорит, что шел к мосту со стороны аббатства, когда услышал крик. Повернувшись, он увидел, как один человек упал, а другой склонился над ним, словно собираясь помочь. Но потом второй мужчина стал обшаривать карманы первого, и свидетель крикнул, чтобы он перестал. Второй мужчина посмотрел на него, потом повернулся и побежал. Когда свидетель подошел к жертве, тот умирал. Ничего нельзя было сделать. Свидетель остался с ним, потом увидел автомобиль, ехавший к мосту, и позвал на помощь.

– А вы уверены, что этот свидетель не был убийцей?

– Уверен. Ему было бы незачем останавливать машину. И он пытался остановить кровотечение.

– Да, пожалуй, вы правы.

Уокер посмотрел на дорогу.

– Вот он идет, сэр. С констеблем.

Ратлидж повернулся. Рядом с констеблем шел бродяга, плохо одетый, худой и небритый. Он двигался, прихрамывая, как если бы у него болела нога, и опустив взгляд, словно искал потерянные монеты.

Ратлидж подошел к ним и поздоровался с констеблем, прежде чем обратиться к его спутнику:

– Насколько я понимаю, вы видели, что произошло здесь прошлой ночью?

– Да. Это было убийство. Двое мужчин боролись, и один упал. Другой опустился на колени рядом с ним, и я сначала подумал, что он пытается помочь. Но потом я увидел, что он обшаривает карманы упавшего. Он убежал, когда я подошел. – Голос у бродяги был грубый.

– Вы хорошо разглядели убежавшего человека? – спросил Ратлидж.

– Было слишком темно. Но он бежал как молодой – быстро и легко. Я подумал, что у него ботинки с мягкими подошвами. Он убегал почти бесшумно.

Ратлидж вспомнил, как незаметно Билли подкрался к нему.

– Да, вполне возможно. Что-нибудь еще? Его рост? Возраст?

– На вид ему было лет восемнадцать – девятнадцать. Хорошо сложен. На нем была шапка, и я не мог видеть его волосы. Темные? – Он прищурился, словно вспоминая. – Больше ничего не помню. Это случилось очень быстро, и тогда меня больше заботила жертва. – Казалось, ему не терпится уйти.

– Сколько времени жертва прожила после того, как вы подошли к ней?

– Несколько секунд. Я не мог определить в темноте.

– Значит, он ничего не сказал?

– Нет. Кто он был? Вы знаете? – Бродяга посмотрел туда, где раньше лежало тело.

– Его только что идентифицировали, – сказал Уокер. – Один из констеблей узнал его. Джордж Байнам. Он припозднился, готовясь к дебатам на следующем заседании. Ему не повезло.

– А как ваше имя? – спросил свидетеля Ратлидж.

– Худ. Чарли Худ, – нехотя ответил тот.

– Спасибо вам за помощь, мистер Худ. Если вы пройдете с констеблем, кто-нибудь зафиксирует ваше заявление, и вы подпишете его.

Худ колебался.

– У меня нет постоянного места жительства.

– Просто назовите место, где мы сможем вас найти, если понадобится опознать убийцу, когда мы его задержим, – сказал Ратлидж.

Худ кивнул и повернулся, чтобы следовать за констеблем.

Кто-то снова окликнул их, и Ратлидж с Уокером подошли взглянуть на очередную находку.

Она выглядела более многообещающей – клочок бумаги с написанным карандашом адресом неподалеку от Лэмбет-Роуд.

– Мы не можем быть уверенным, что это принадлежало ему, – сказал Уокер, обследуя бумагу. – Хотя она могла выпасть у него из кармана, когда он вытаскивал нож.

– Пошлите сразу же кого-нибудь туда, – посоветовал Ратлидж. – Чем скорее, тем лучше.

Уокер кивнул констеблю, который нашел бумагу:

– Отправляйся по этому адресу, сынок, и узнай, что сможешь.

Констебль поспешил к мосту.

Спустя полчаса поиски у моста были закончены.

– Я должен идти, – сказал Ратлидж, думая о долгой поездке в Саффолк и обратно. – Если по этому адресу что-то обнаружится, оставьте сообщение сержанту Гибсону в Ярде. Он передаст его мне.

Ратлидж был на полпути к автомобилю, когда остановился и выругался.

Прибежав назад, он успел застать Уокера, тоже покидавшего место преступления.

– Куда ваш констебль повел Худа? В Ярд или в участок?

– В участок. Что-нибудь не так?

– Надеюсь, что нет, – ответил Ратлидж и поспешил в сторону Трафальгар-сквер.

В случае удачи, говорил он себе, он доберется в участок вовремя.

Но ему не повезло. Худ дал показания и ушел. Ратлидж спросил адрес, который он назвал, и поехал туда.

Это была канцелярская лавка неподалеку от собора Святого Павла. Ратлидж оставил машину на улице и вошел внутрь. Женщина за прилавком приветствовала его улыбкой, которая быстро увяла, когда он спросил, знает ли она кого-нибудь по имени Чарли Худ.

Женщина не знала. Ратлидж описал Худа, и она сказала, что такой человек вряд ли был среди клиентов магазина.

Ратлидж поблагодарил ее и удалился, пока голос Хэмиша Мак-Лауда звучал у него в голове.

Он поехал назад к полицейскому участку, кружа по кварталам в надежде снова заметить Худа. Но к этому времени улицы были переполнены, люди спешили по своим делам, и Худ мог находиться где угодно. Тем не менее Ратлидж потратил час на его поиски.

Он не мог быть уверен. Но что-то в оборванном небритом человеке привлекло его внимание, и он хотел поговорить с ним снова. Что сказал Уокер? Что бродяга пришел со стороны аббатства и что констебль повел его перекусить.

Ратлидж говорил себе, что это не мог быть Уолтер Теллер.

Но был шанс, что это не так.

Ратлидж приехал в Саффолк, в деревушку неподалеку от границы с Эссексом. Дом, который он искал, находился на аллее рядом с высокой церковью, увенчанной шпилем. Ему пришлось проехать еще четверть мили по извилистой дороге, окаймленной полевыми цветами, прежде чем он увидел каменные ворота. Сам дом не был таким большим, как ферма Уитч-Хейзел, но, стоя среди деревьев, он излучал сельское спокойствие. Остановившись у двери, Ратлидж слышал пение птиц.

Экономка указала ему на сад, где он нашел Летицию Теллер, развлекающую маленького мальчика, который, присев у пруда, наблюдал за головастиками, плавающими в мутной воде.

– Вот еще один, Гарри. – Женщина указала на очередного головастика. – Вон там, около лилии.

Еще одна женщина сидела в тени, ласково улыбаясь ребенку.

Мисс Теллер подняла взгляд, когда Ратлидж прошел через изгородь. Она была высокой, как ее братья; ее лицо было смягченной версией лица Питера. Привлекательная, с карими глазами и сдержанностью, которая могла казаться холодностью. Ратлидж назвал свое имя и показал удостоверение – она продолжала разглядывать его.

– Я не знала, что Ярл привлечен к этому делу.

По ее тону Ратлидж понял, что она этого не одобряет.

– Кажется, вы были в Портсмуте, когда решение было принято, – отозвался он. – Возможно, нам было бы разумнее побеседовать наедине.

Женщина повернулась к Гарри:

– Ну, дадим головастикам отдохнуть, ладно? Думаю, в кухне есть лимонад. И вытри ноги, прежде чем войдешь.

Мальчик выпрямился – светловолосый, крепкий, с приятной улыбкой.

– А они не убегут?

– Нет, они живут здесь и будут ждать, когда ты вернешься.

Он кивнул и убежал.

– Это сын Уолтера, – сказала Летиция Ратлиджу и повернулась к другой женщине, которая поднялась со скамейки и подошла к ним. – Мэри Бриттингем – сестра Дженни Теллер.

Мэри была светловолосой, как ее сестра, но немного ниже ростом – хорошенькая женщина, явно знающая себе цену.

– Что привело вас сюда? Есть какие-нибудь новости? Вы не проделали бы весь этот путь, если бы их не было.

– Одежду вашего брата нашли у реки. Миссис Теллер опознала ее.

– Но о самом Уолтере нет новостей? – вмешалась Мэри.

– Никаких.

– Вы имеете в виду, полиция считает, что он утопился, будучи не в себе? Чепуха. Я ни на секунду этому не поверю. – Летиция Теллер подвела их к кругу стульев на террасе. – Садитесь, инспектор.

– Я не спешу с выводами, – сказал Ратлидж, опускаясь на указанный стул. – Но такая возможность существует. Почему ваш брат покинул больницу, миссис Теллер? Он выбрал время, когда его жены не было рядом с ним, оделся – или кто-то помог ему одеться – и ушел.

– Кто помог ему одеться? – резко осведомилась Летиция. – Мы – мои братья и я – были в доме Эдвина, когда пришла новость о его исчезновении. Кто был в больнице, чтобы помочь ему?

– Это мы очень хотели бы знать. – Он повернулся к Мэри Бриттингем: – Вас тогда не было в Лондоне?

– Нет, я ездила в Монмутшир, чтобы забрать Гарри и оставить его у себя, пока Дженни была в клинике с Уолтером. Мальчик с тех пор со мной. – Она вздохнула. – Он верит, что его родители навещают друзей. Мне не хватило смелости сказать ему правду.

– Если Уолтер Теллер сам оделся и намеренно ушел из клиники, куда он мог отправиться? – спросил их Ратлидж.

– Возможно, он сам оставил одежду у реки, – предположила Мэри. – Чтобы дать себе время подумать. Вероятно, поэтому он и покинул клинику.

Летиция Теллер с неприязнью посмотрела на нее:

– Ты говоришь, мой брат знает, что делает?

– Мне кажется вероятным, что он не нашел решения той проблемы, которая вызвала его болезнь. Ты знала, что он получил известия от своего епископа? Его призывают вернуться в ряды миссионеров. Он написал мне, что не знает, как им ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.